

Антонина ГЛУШКО
КАК Я
КАК БЫ ЗАБЕРЕМЕНЕЛА

18+

@ЭЛИТА

Антонина Глушко

**Как я как бы
забеременела (сборник)**

Электронное издательство "Аэлита"

2016

УДК 82-32
ББК 84-44(2Рус-Рос)6

Глушко А.

Как я как бы забеременела (сборник) / А. Глушко — Электронное издательство "Аэлита", 2016

ISBN 978-5-9905650-7-4

Перед вами сборник современный прозы. В нём собраны беззлобные, забавные, смешные и остроумные истории, наполненные авторской симпатией к персонажам. Юмористические зарисовки отображают жизненные человеческие взаимоотношения, а своеобразная манера изложения, великолепный образный язык обеспечивают лёгкое прочтение текста. Сборник будет интересен как для отдельного читателя, так и для коллективного семейного прочтения – в нём все найдут массу забавного, смешного и доброго юмора.

УДК 82-32
ББК 84-44(2Рус-Рос)6

ISBN 978-5-9905650-7-4

© Глушко А., 2016
© Электронное издательство
"Аэлита", 2016

Содержание

Как я как бы забеременела	6
Любопытным лучше не читать	8
Деревенская свадьба на городской лад	10
Танец со жмурами или открытый балкон	20
Соперницы	24
Как черти депутата в Госдуму выбирали	30
Случай в военном госпитале	36
Дополнительное лицо	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Антонина Глушко

Как я как бы забеременела (сборник)

© ЭИ «@элита» 2016

Как я как бы забеременела

*Мы нынче КАК БЫ все глупеем,
Всё стали КАК БЫ забывать,
Что КАК БЫ даже не умеем
Без «как бы» пару слов связать.
Добро бы было КАК БЫ в дело,
Пусть даже КАК БЫ наугад,
А то ведь КАК БЫ неумело,
И чаще КАК БЫ невпопад.*

Кем-то высказанная мудрость

Надо же такому случиться со мной. Как бы и не дурочка-простушка, и как бы мамкины советы слушала. А нате же вам, как бы та старуха, на которую проруха. И что теперь прикажете мне делать, студентке второго курса и как бы залетевшей?

Об этом тут же как бы узнал весь институт. Ректор вызвал мою мамочку и принялись меня как бы оба пропесочивать.

– Макеева, скажи, как ты могла такое сотворить в стенах священного храма? (Храм был пединститутом), – как бы принялся он наезжать на меня.

Моя мамочка была как бы в обмороке.

– Разве я тебя растила-воспитывала для подобного позора? – как бы захлёбывалась она гневно-справедливыми возмущениями в адрес как бы своей непутёвой доченьки. – Что я скажу отцу? – как бы пугала она меня строгим папочкой. Тот работал как бы прокурором.

– Рассказывай, Макеева, всё как на духу! Как ты могла докатиться до жизни такой! – как бы требовал ректор от меня откровений.

– Да, да, говори, как ты могла навлечь на нашу семью несмываемое пятно позора?! – продолжала катить на меня мамочка как бы справедливую бочку возмущения. – Кто тот коварный низменный соблазнитель, позволивший себе растоптать как бы незапятнанную чистоту моего ребёнка! – горела она как бы праведным гневом.

Мне ничего не оставалось, как признаться в как бы собственном позоре.

– Ну, кто тот коварный соблазнитель?! Признавайся, Макеева! – как бы наезжал на меня ректор.

– Мы как бы полюбили друг друга, – как бы я начала виниться. – Потом я как бы забеременела, – как бы призналась я.

– Нам это известно! – как бы продолжая возмущаться, сорвалась на крик моя как бы всегда выдержанная родительница. – Говори, кто он, твой соблазнитель! – как бы потребовала она.

– Он из нашего института?! – как бы не сдержался ректор.

– Нет, он как бы не из института, – промямлила я. Мне не хотелось признаваться, что я как бы плохо знала его, кто он и откуда.

– Ну, говори! – подскочила ко мне мамочка и как бы огрела по затылку.

– Ну-уу, – тянула я. – Я как бы не спрашивала у него, откуда он. Мы как бы познакомились, и... – я как бы не знала, что говорить дальше.

– Где этот негодяй!? Говори! – ещё больше как бы закипятилась моя маман. – Я убью его вот этими руками, – как бы пригрозила она.

– Мы как бы полюбили друг друга... И я как бы забеременела, а он как бы сказал, что это ему как бы по барабану. И он как бы плюнул и ушёл.

– Та-аак, – как бы протянула мамочка, как бы зловеще глядя на меня. – Значит, его ты не знаешь, он на тебя плюнул или как там, с барабаном, и как ты думаешь жить дальше? – как бы прижала она меня к стенке.

– Ну, я как бы сделаю аборт, – как бы утешила я её.

– Нет, вы только послушайте её! Она сделает аборт! А ты подумала о своём... о нашем с отцом будущем?! А вдруг после этого твоего первого аборта у тебя не будет больше детей?! – как бы заерепенилась мамочка.

– Почему не будет? Это же как бы не первый аборт, – утешила я родительницу.

– А какой?! – как бы закричали дуэтом маман с ректором.

– Третий, – как бы призналась я.

Дальнейшие препирательства описывать не стану. Скажу лишь, третий аборт как бы совершился вполне благополучно, как и два предыдущих.

Спустя два года по окончании института я как бы вышла замуж за папкиного сотрудника и у нас как бы родились двое детей.

На этом я как бы свои признательные показания заканчиваю. Надо спешить на кухню как бы готовить обед. Через два часа зайвится как бы мой благоверный.

Любопытным лучше не читать

Одним словом...

Нет, лучше начну не так, а с того, как...

Нет, тоже не то.

Короче: Сердце воскреснуло, снова любя,

Жена постаревшая – не для меня.

Встретил красавицу я молодую,

Только её я сегодня целую.

Так писал великий французский поэт (а возможно и не великий, и вовсе не французский, и даже не поэт, а напротив), о любви, посетившей уже не молодого, а можно сказать пожилого женатого господина, с поехавшей набекрень на склоне жизненных лет крышей, где уместны будут стихи не менее знаменитого, но к сожалению, тоже неизвестного поэта:

...Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша...

Однако мы отвлеклись от основной темы, хотя и созвучной с выше опубликованными поэтическими строфами.

Итак, начинается повествование, которое любопытным вовсе и не обязательно читать.

В общем, залетает вчера ко мне соседка (мы живём через стенку) с криком:

– Представляешь, мой старый козёл завёл себе молоденькую дуру, и вяжет узлы, собираясь к ней улизнуть!!!

– А ты что, расстроилась? – поинтересовалась я, знакомая с семейной жизнью соседей.

– Я?! – в нервном всхлипе воскликнула соседка. – Да ни в коем разе! Пусть попробует пожить без меня! – пригрозила она изменнику.

– Ну и пусть уходит, – посоветовала я. – Тебе будет спокойней жить.

– Спокойней?! – неожиданно возмутилась она моему совету. – Как это, спокойней? Ты была бы спокойной, если не представляешь, с каким багажом заявится он после этого домой? – выдала она что-то непонятное мне.

– С каким багажом? Он что, подворовывает? – насторожилась я. Что-то не замечала я за соседом подобного порока.

– Какое подворовывает? Да к нему они сами прицепляются! – выкрикнула она вновь непонятно чего.

Разговор у нас напоминал слепого с глухим.

– Девки, что ли? – дотошничала я, выискивая истину.

– Да какие девки! – бегая по комнате, кричала соседка. – Козявки! Козявки к нему цепляются.

Я не стала выяснять, о каких животных выкрикивает возмущённая женщина. Потому и промолчала.

– Прошлый раз приволок их... – я так и не узнала, чего она хотела сказать, о каких таких козявках, как в дверь постучали. Соседка почему-то испуганно понеслась вглубь моей квартиры.

– Кто там? – спросила я, подойдя к двери.

– Это я, ваш сосед. Моя жена у вас?

– Слушай, твой благоверный спрашивает тебя, – кинувшись на поиски брошенной жены и обнаруживая её в своём кабинете сидящей на диване с настороженным видом.

– Да? – приподнимаясь, спросила она. – А ты уверена, что это он? – засомневалась соседка.

– Конечно, он. Я что, не знаю его голос, – подтвердила я.
– Ладно. Спроси у него, чего ему надо? – подталкивая меня в спину, наказала она мне.
– Вы тут? – прикладывая ухо к двери, поинтересовалась я. С соседом мы были на «вы».
– Да тут, тут, – с досадой подтвердил тот своё присутствие, и снова спросил: – Моя жена у вас?

– Светка! – снова забегающая в кабинет, прошипела я. – Иди, разбирайся сама со своим козлом, – сосед принялся снова стучать в мою дверь.

– Ну, ладно! – зловеще произнесла брошенная жена, приподнимаясь с дивана. – Всё, я пошла! – отчеканила она, одёрнула кофту и гордо шагнула в распахнутую дверь.

Я приложила ухо к замочной скважине, однако за ней не услышалось ни единого звука.

На следующее утро, отправляясь на службу, как обычно, закрывая дверь, повернула ключ в замочной скважине, и тут... из своей двери появляется сосед, Светкин муж.

Под глазом у него красовался распрекраснейший фингалюка. Как ни в чём не бывало, поздоровался со мной.

Я привычно ответила на его приветствие.

– На службу? – заученно поинтересовался он.

– На службу, – односложно ответила я, нажимая кнопку лифта, вызывая подъёмник.

Сосед не скрывал лицевые отметины, предположительно полученные во вчерашнем домашнем ристалище.

– У меня Светка не женщина, а золото! – глядя на меня, неожиданно выдал он. Хотя никогда со мной не откровенничал. При этом весело рассмеялся, чего в силу своего высокого служебного статуса раньше ничего подобного себе не позволял.

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться с ним. Направляясь к ожидавшему его служебному ДЖИПу, сосед предусмотрительно нацепил на себя тёмные очки.

– Ты представляешь, что мой козёл вчера отмочил?! – спустя неделю, ворвавшись ко мне в квартиру, закричала Светка.

Теперь я знала: завтра утром сосед с привычным фонарём поприветствует меня, замыкающую дверь собственной квартиры. А в лифте назовёт Светку золотой женщиной. «Се ля ви», – сказал бы тот французский поэт, обозначивший начало нашей повести. А может, вовсе и не французский.

Деревенская свадьба на городской лад

Панюшкин Петька, едва переступил порог родительского дома, возвратясь из рядов доблестной российской Армии, как тут же заявил родителям:

– Женюсь!

Те знали, на кого нацелился единственный сынок – надежда и опора их старости. Хотя со старостью родичи маленько погорячились. Бате только осенью стукнет сорок, а мамане и того меньше – едва исполнилось тридцать семь.

Петьку родители произвели на свет в довольно юном возрасте. Шибко шустрим оказался Панюшкин-старший. Прибыв из армии на побывку младшим сержантом, малый времени даром не терял. А когда через год, отдав долг Родине, возвратился домой, на автобусной остановке его поджидал сюрприз в виде тонконогой девчонки с тощим кульком на руках – то были будущая жена и сынок Петька, ныне загоревшийся срочной женитьбой.

Нюрка Малявкина, ещё до Армии гулявшая с Панюшкиным-младшим, регулярно писала ему любовные письма. Надо полагать, девчонка пацана ждала. Сами Панюшкины, рано осупружившись, не стали воспрепятствовать сыновней женитьбе. Хлопец вполне самостоятельный, отслужил Армию, имеет специальность.

Председатель не раз спрашивал родителей, когда тот вернётся, чтобы захомутать парня на МТС трактористом, обещая исправно выплачивать зарплату. А главное, подлатать для демобилизованного, в случай женитьбы, покосившийся домишко Польки-Яшелихи, укатившей в прошлую осень к сыну в город, на постоянное местожительство.

Бабку утаранили в няньки-кухарки для городской, шибко интеллигентной невестки. Поговаривали, будто Полькин сын этот, ну, как его, али... ари... ха... р... одним словом, богатый.

Сын плюнул на родительскую развалюху, затолкал мамку в дорогую иномарку и укатил – только пыль столбом, проигнорировав её закопчённые горшки.

К свадьбе молодых, как издавна повелось, стали готовиться загодя, всей деревней. Соблюдая обычай, к невесте послали жениховских сватов. А пока те торговались в хате с родителями невесты, сам жених, словно застоявшийся конь, в нетерпении бил копытом, в смысле топтался во дворе в обществе своих дружков. В избу парней не пустили. Не положено жениху появляться в доме невесты, пока идёт сватовской уговор.

И тут неожиданно на пороге крыльца нарисовалась невеста собственной персоной. Была она молода, ядрёна, с пегой толстой косой, заплетённой на городской манер – за одно ухо. Отчего её круглое в плеснявках лицо как бы скосорылилось набок.

– Ну, чего надо? – задиристо спросила Нюрка жениха с его камарильей.

– Ну... мы это... – мямлил Петька, – свататься пришли. А тебе разве не сказали?

– Нет, вы посмотрите на него! – всплеснула пухленькими ручками курносая невеста. – Да кто сейчас засылает сватов?! Петь, ты что, с Луны свалился! Ну, умора!

Жених и его дружки стояли дураки-дураками. Им был дан строгий наказ Петькиной матерью: невесте не перечить, в разговор сватов не вмешиваться, в дом невесты, пока не позовут, не заходить.

Вот и стояли молодцы без права голоса и поступков. В другое время они так бы послали Нюрку куда подальше, что ей мало не показалось. Но нельзя. Нюрка в настоящий момент находится в статусе невесты, поэтому и молчали.

– Ладно. Что с вами делать, – невеста спустилась с крыльца на одну ступеньку ниже, и, обращая ко всем сразу, сказала: – Так и быть, для разнообразия проведу с вами тестирование. Во всех цивилизованных странах женихи обязательно его проходят, – ошарашила «умная» девка, начисто сразив «деревенскую темноту» незнакомым выражением.

Петька, не имея представления о чём пойдёт речь, едва не грохнулся оземь. Уж шибко он боялся Нюркиного отказа.

– Ответьте мне, кто такой Некрасов? – начала издеваться над женихом и его дружками привередливая невеста.

Это уже ни в какие ворота! Известно, что стоявшим перед нею парням, да и самому предполагаемому молодожёнку, выше восьмилетки подняться не удалось, по причине удалённости школы от их родной деревни и непосещаемости ими храма науки зимой, в периоды снежных заносов, поэтому вопроса не осознать.

Отсюда о фамилии «Некрасов» у молодцов была однобокая осведомлённость, в пределах местных мастерских. Решив, что невеста испытывает их на профпригодность, дружно гаркнули:

– Наш механик!

– Нет! Вы посмотрите на них! Они даже не знают, кто такой Некрасов! – изгалялась над парнями конопатая девка.

– А кто ж тогда, по-твоему, Некрасов? – искренне растерялся один из дружков, с рыжей невзрачной внешностью.

– Артист, вот кто! – пояснила она. Все с уважением уставились на Нюрку. – Он ещё в кино играет... ну, в этом... как его... Ладно, одним словом, деревенская вы темнота, и больше ничего.

Обзывать парней деревенской темнотой Нюрка имела полное право. Во-первых, сама она окончила девять классов, правда без выпускного свидетельства, но со справкой, потому как кроме троек, вперемешку с двойками, в таблице против её фамилии иных показателей не мелькало.

Во-вторых, пока Петька нёс службу в доблестных рядах родной и любимой Армии, Нюрка два года в городе махала метлой, короче, работала там дворничихой. По этой самой причине считала себя городской, образованной. Это тебе не шалай-валяй, не халы-балы, и не хвосты в деревне коровам крутить.

Девка, стоя на крыльце, высокомерно посматривала на парней, принципиально не замечая окончательно изомлевшего Петьку, считая его против себя дремучей деревенщиной, и полнотью его игнорировала. Деревня и есть деревня. Даже не смог ответить, кто такой Некрасов.

На свою беду, хлопец со всем молодецким пылом любил эту строптивую девку, и души в ней не чаял. А после того, как та «объяснила», кто такой Некрасов, и вовсе зауважал.

– Короче, – толкала речь со ступенек «городская» невеста. – Я выйду замуж при одном условии. – Нюрка твёрдо посмотрела прямо в глаза раздавленного никчёмностью жениха, и отчебучила: – Если наша свадьба будет городской.

Толпа парней так и ахнула. Что такое городская свадьба и с чем её едят, вернее, как её устраивать, никто из них не имел ни малейшего представления.

– А что это такое? – посмел робко поинтересоваться несчастный Петька.

– Я потом всё напишу на бумажке и тебе отдам, – великодушно пообещала капризная невеста. Однако одуревший от любовного пыла, сжигавшего его внутренности, малый согласен был на что угодно, только бы Нюрка согласилась стать его бабой.

Из открытых дверей начали вываливаться сваты, едва державшиеся на ногах.

– Всё, Нюрка, пропили мы тебя, – хлопая дочь по дебелой спине, сказал Малявкин-старший. – Готовь приданое, – и он пьяно рассмеялся. – Дай-ка, Петька, я тебя расцелую. – Уцепившись за рубаху жениха, по причине штормовой качки, невестин батя обслонявил лицо будущему зятю.

Цепляясь за перила и друг за друга, гости сползали с крыльца.

– Пап, ну что за дикость! Устроили просто театр какой-то со сватовством. Напились, как свиньи! – возмущалась невеста. – Значит, так. Заявляю сейчас при всех: чтобы у меня была городская свадьба.

– Чего-о-о? – не понял родитель. – Какая свадьба!?

– Го-род-ская. Всё, я сказала – и никаких гвоздей! Иначе замуж не пойду, – сказала, как отрезала, «интеллигентная» Нюрка.

При этих словах жених едва не брякнулся в обморок: так ему хотелось жениться, а тут такая закорючка с неизвестной городской свадьбой. Нюрка – девка строгая, близко к себе Петьку не подпускала, целоваться не разрешала, гулять к овину не выходила, разговаривала с ним через закрытую калитку. Малыш уже весь изомлел.

– Ладно, иди в избу, дай нам тут по-мужски потолковать, – подтолкнул Малявкин дочь к двери. – Иди, помоги матери убрать со стола.

– Петька, я знаю твоих родителей сызмальства, – обнимая парня, рассусоливал невестин батя. – И тебя знаю: и такого, и такого, и вон какого, – махал Малявкин рукою, показывая, какого он знал Петьку. – Ты скоро станешь моим зятем. Значит, надо бросать всяческие глупости и браться за ум.

Невестин батя не без основания предупреждал будущего зятя. Тот до Армии откалывал номера, не сказать зловредные, но прикольные уж точно, на взгляд самого Петьки. То с ребятами изображали привидения и пугали деревенских старух. То, напялив на головы страшные маски, купленные к Новому году, гонялись по деревне за девками и подростками. А однажды и вовсе Петька отколол номер, о котором потом долго говорила вся деревня.

Во время войны, аккуратно по полю их деревни проходила линия фронта. Много пало тогда солдат с одной и с другой стороны. Всех их наскоро притрусил чернотом, и остались те навечно пропавшими без вести, упав кто в родную, а кто в чужую землю.

Шли годы. Появились отряды поисковиков. Многих советских бойцов отыскивали волонтеры, вернув Родине их имена. Одновременно находились и вражеские убитые солдаты со своей экипировкой и при оружии. Об этом и пойдёт речь.

У Петьки есть закадычный друг, Гришка Разин. Вместе учились в одном классе, вместе до Армии работали в колхозных мастерских, вместе их забрили в «рекруты». Только один из них попал в пограничные войска, а другой, то есть Петька, в танковые.

Ребята частенько крутились среди поисковиков, помогая, чем могли, но чаще всего старались чего-либо стащить. Так ими были присвоены немецкие каски, валявшиеся на откосе разрытой ямы. Пацаны принесли их домой, в сарае очистили от ржавчины, покрасили зелёной краской, белилами намалевали фашистскую свастику.

У старого сторожа МТС попросили покататься мотоцикл с люлькой, марки БМВ, собранный ветераном из металлолома, кучей сваленного за околицей. Отыскали на чердаке старые дедовские шинели. Приделали к ним узкие картонные полоски погон, на мотоцикле мелом нарисовали фашистские кресты. За руль мотоцикла уселся Гришка, в люльке разместился Петька с дедовой мелкашкой.

Едва стемнело, как два шалопая, во вражеском облики, на мотоцикле с крестами и оружием, выскочили на середину деревни и принялись орать, изображая фашистов: «Хенде Хох! Цурюк!» и «Гитлер капут!». При этом Петька два раза пальнул из дедова ружья в воздух. Потом дед полчаса гонялся по деревне за внуком, с ремнём.

Услышав пальбу и немецкую речь из домов повыскакивали люди. Никто ничего не мог понять, пока Гришкина мамка не признала в «немце» своего сына и не кинулась за ним с веником. За проделку ребят вызвали в поссовет, сделали внушение. Правда, дела о хулиганстве

шить не стали – у пацанов на руках к тому времени уже были повестки в военкомат. Вот об этих самых шалостях и напомнил Петьке его будущий родственник.

– Да ну, дядя Семён, – мямлил жених. – Все шалости уже в прошлом.

– Вот и хорошо, – одобрил Нюркин батя, и, хлопнув по спине будущего зятя, отпустил его к ожидавшим за калиткой друзьям.

Свадьбу решили играть на большом дворе Малявкиных. Девки развесили воздушные шарики, заранее купленные в сельпо, ребята притащили берёзовые ветки и еловый лапник. Ими и украсили двор. Вышло – красивше городского ресторана. Вся эта красота устраивалась по желанию самой невесты. По-городскому.

Нюрка заранее, за неделю, вместе с матерью и подругой на автобусе съездили в город, купили белое свадебное платье, фату, невестин букетик. Всё как у людей. Столы накрыли купленной полиэтиленовой плёнкой, подстелив под неё белые простыни. Получилось красиво. Невеста осталась довольна.

По всему столу расставили двухлитровые банки с цветами. Правда, потом их пришлось убрать, они мешали гостям видеть друг друга. Столы смотрелись празднично. Расписываться молодым предстояло в собственном Поссовете. Ехать туда решили на Петькином тракторе, заранее его отмыв и по-городскому разукрасив: куклой, лентами и шарами.

Всё готово к бракосочетательскому таинству: невеста разряжена, гости сбегаются, оставалось за малым – запаздывал жених. Однако не по безалаберности и безответственности, а по серьёзной технической причине.

Дело в том, что совсем недавно прошли ливневые дожди, и единственный через речку Незабудку мост, и без того дышащий на ладан, повредило потоком, и частично разрушило, чем лишило деревню связи с «большой землёй».

Для срочного ремонта переправы требовалась подвозка строительного материала. На переправе уже трудились мужики. Подтянуть платформу с брусом и досками для них мог только Петька на своём мощном тракторе, о чём слёзно и просил его поселковый голова, понимая ситуацию с женитьбой.

– Ты только подтяни платформу, мы сами её отцепим, а ты спокойно кати жениться, – уговаривал он жениха.

Петька хоть и понимал, что опаздывает на свадьбу, но понимал и другое: свадьба – это лишь для него одного, а мост для всех. Пока он будет жениться, машины, люди и скот будут «загорать» по обе стороны реки. Долг перевесил собственный эгоизм, и потянул парень гружёный прицеп к речке. Но, как говорится, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так случилось и с Петькой.

Тяжело гружёная брусом и досками платформа намертво засела в раскисшей глине при подъезде к мосту. Трактор безуспешно рвал «кишки», да, видать, оказались они у него тонки.

Прицеп намертво увяз по самые уши. Пришлось мужикам часть бруса сбрасывать с платформы. Пока Петька выдёргивал облегчённый прицеп, пока тянул его к мосту, пока разгружали, пока... короче, все женильные сроки пошли коту под хвост.

Петькины ручные часы показывали: до регистрации оставалось не более часа. А ещё надо до деревни пилить, самому помыться, а походил он на чёрта, вылезшего из преисподней, а время уходило, словно вода в песок. Для ускорения дела жених, выпрыгнув из кабины, принялся помогать мужикам в разгрузке брусьев, лагая по колено в глинистом «месиве».

Ко двору невесты, к которому едва ли не вся деревня сбежалась в ожидании застолья, Петька подкатил на заляпанном тракторе за тридцать минут до регистрации. Отгонять машину в гараж, мыть и наряжать в свадебные причиндалы времени не оставалось. А ведь он лично обещал Нюрке, что к сельсовету покатают на по-городскому украшенном тракторе.

Выскочив из кабины, Петька ринулся во двор, где во всю его длину протянулись столы, ломившиеся от закусонов, между которыми стройными рядами красовались «городские» бутылки. Петьке показалось, будто те, повернув оловянные головки к нему, с укоризной покачали ими, дескать, что же ты, парень, с Нюрой творишь?

Жених, не обращая внимания на бутыло-водочных обвинителей, ринулся к крыльцу, где, словно в белом воздушном облаке, стояла его ненаглядная невеста.

– Так, явился, – заявила та с нотками грозной «бабки-царицы» из Пушкинской сказки, когда к ней на глаза явился её непутёвый дед. – Всё, я регистрироваться не буду. Если хочешь, иди туда сам и женись.

Петька, осознавая свою вину, стоял перед невестой едва не плача, готовый пасть перед ней на колени. Так хотелось малому жениться.

– Я... это... брус... к этой... ну... к речке таскал, – окончательно потерявшись, оправдывался он.

– Ничего не знаю, и слушать тебя не хочу. Говорю прямо: свадьбы не будет, – ударила отказной кувалдой по Петькиной башке привередливая Нюрка.

Для Петьки всё летело в тартарары.

– В чём дело? – жизнерадостно поинтересовался папаша, появляясь из-за дочкиной спины. Малявкин был в курсе о разорении моста. Знал и то, что Петька таскал к реке платформу со строительным материалом, по этой причине и задержался.

– Нюрка не хочет идти расписываться, – понуро поникнув головой, заляпанной глиной, пожаловался жених. Руки, изварзочанные грязью, Петька старательно вытирал о такие же заляпанные штаны. О том, чтобы подойти к невесте в подобном виде, несчастный и не мечтал.

– Сколько там времени осталось до регистрации?! – крикнул невестин батька, обратившись к жаждущей застолья толпе, маюющейся за изгородью.

– Двадцать! Четыре! Минуты!!! – дружно проскандировала толпа гостей, отгороженная забором от накрытых столов.

– Успеем! – твёрдо заявил Малявкин.

– С таким грязным женихом не пойду. Не собираюсь позориться перед всей деревней, – вновь завывающе закричала Нюрка.

– Пойдешь! – заявил родитель, саданув невесту подзатыльником так, что у той венки с фатой скакнули аж на её плесневый нос. – Пошли! Пошли! – потянул он за руку дочь, ослеплённую свадебными причиндалами.

Убрать фату и венки с глаз девка не могла: одна её рука была крепко зажата отцовской, а вторая – держала «невестин букетик», который они с подружкой заранее сговорились, что Нюрка бросит именно в её сторону. Примета такая: поймала букет девка, значит, быть той вскорости замужем. Хотя в исполнении приметы относительно подружки вырисовывались некоторые сомнения. Та была ещё «красе» самой невесты.

К калитке, расталкивая гостей, бежал Поселковый голова, с комьями глины на сапогах и замурзанными руками. Он только что от моста прикатил на попутном самосвале, зная проблему с Петькиной женитьбой.

Уговаривая жениха подвести брусью к мосту, Голова тогда оставил свой раздолбанный «москвич» у дома невесты, и вместе с женихом сиганули огородами к МТС за трактором.

– Не волнуйтесь, всё будет в ажуре! – запыхавшись, прокричал он, стаскивая с ног сапоги с огромными прилипшими ошмётками рыжей глины. Все с интересом уставились на Председателя. Даже невеста с помощью букетика с трудом освободила единственный глаз от застывший ей белый свет фаты с венком и вылупилась на босого деревенского Голову. – Всё, всё хорошо. Ты, Петруха, не бойсь! – ободрял он несчастного.

Нагнувшись, вытер грязные руки о траву, отряхнул от опилок штаны, и в носках с выглядывающим в дырку на правой ноге большим пальцем поскакал к собственному «москвичу». Лихо рванул за ручку переднюю дверку, отчего та ни с того, ни с сего вдруг отделилась от законного ей места и упала прямо к босым ногам хозяина.

– А, неважно! Всё не хватает времени подремонтировать, – без тени расстройства весело заявил Председатель, подруливая к невестиной калитке. – Давайте, молодые, забирайтесь в «салон», докачу с ветерком. Остальные добегут сами, тут недалеко! – прокричал он, втискиваясь за руль.

Невеста, жеманясь, с недовольным выражением на лице уселась на заднее сиденье. Не решилась «выступать», опасаясь отцовского подзатыльника. До сих пор у неё ещё саднит левое ухо. Хорошо хоть краснота прикрыта фатой.

Рядом с дочерью в машину протиснулся Малявкин, для корректировки свадебного процесса. Грязный жених уселся на первое сиденье рядом с босоногим Председателем.

«Москвич» резво рванул с места – за ним поскакали свидетели и гости. Благо до места бракосочетания путь был совсем недолгим. Народ даже не успел запыхаться, как оказались возле конторы. Старики и старухи по собственной немощи ещё некоторое время подтягивались к сельсовету.

Таким же манером, на собственном «мерседесе» марки раздолбанного бездверного «москвича», Председатель с шиком доставил молодожёнов обратно до праздничных столов. Гости прибежали самостоятельно. Старухи и старики шкандыбали с передыхом по дороге, но и они не опоздали к застолью – жених, теперь уже молодожёнец, побежал домой мыться и принаряжаться.

Чистого, нарядного, и не совсем красавца, но это не так уж важно, молодожёнца встретили аплодисментами, по-городскому, так велела невеста. Вместо самогонки, по требованию Нюрки, на столе красовались разнокалиберные «городские» бутылки.

Хитрый Петькин тесть на кумовой машине съездил в город и закупил там «пелёнку», разлитую по разным красивым бутылкам, неотличимых по внешнему виду от магазинных, но одинаковых по внутреннему содержанию... да кого это колышет! Зато хитрый мужик в два раза сэкономил деньги только на одной водке. То же самое проделал и с закуской. Продукты закупил у барыг по бросовой цене.

Взявшись за руки, молодые под гром аплодисментов и крики «Ура», как хотела невеста, прошли к «лобному месту» – во главу стола, и... свадьба покатилась.

Первыми, как всегда до невменяемости, напились конюхи, близнецы-братья, до того похожие друг на друга, что даже родная мать-старушка путала собственных сыновей.

На нынешней свадьбе отличительной особенностью одного из них был большой синяк под глазом, придававший близнецу, довольно мирному мужику, несколько злодейский вид. Такое отличие давало возможность «виночерпию» – тётке Адорке, выдвинутой на почётный пост по причине ею полного неупотребления мерзавки из-за язвенной хвори, ядри её в корень, безошибочно наливать в стаканы братьев, пользуясь отличительной меткой одного из них.

Однако это не спасло братьев. Те набрались так, что до самого утра бесчувственно валялись в бурьяне под невестиным забором.

– Дорогие Петька и Нюрка, – вставая с места, продолжил очередную заздравную речь деревенский Голова. Он так и стоял на посыпанном золой дворе в дырявых носках, с беспомощно выглядывающим из него грязным пальцем. Его сапоги с намертво прилипшими комьями глины валялись за калиткой. – Вы сейчас стали мужем и женой. У вас теперь образовалась семейная ячейка...

– Петрович, – едва ворочая языком, вмешался его бухгалтер, щупленький, словно дед Щукарь, человечек с льяными проплешинами на голове вместо волос. – Заканчивай собрание, подводи баланс...

– Не перебивай! – зашикала на него супруга. – Не мешай слушать. – На-ко вот лучше, Елисеич, холодца попробуй, а то ты всё на огурцы налегаешь.

Поздравительная речь Головы была смята, но об этом никто не жалел, как и он сам, потому как на столе ожидала батарея «городских» бутылок, соседствуя с напитком доморощенного изготовления, то есть – самогоном.

Опустошённая тара «городских» бутылок была отброшена к собачьей будке, а гости находились уже в том состоянии, когда «кто кого перекричит».

– Дайте мне слова! Ну, дайте, я скажу! – стараясь, перекричать невообразимый гвалт, требовал Гришка Разин, женихов друг, известный деревенский донжуан и нынешний свадебный свидетель.

Аптекарьша, которой малый полгода дурил голову, а затем переметнулся к Светке-библиотекарше, отомстила ему тем, что по рецепту от кашля, выписанному тому фельдшерницей, выдала собственноручно изготовленный похоронный венок из цветов с приаптечной клумбы, на которую без стеснения унадился ходить справлять нужду здоровенный соседский кот.

– Мне что, растения обрывать и настаивать? – ошарашился изменник.

– Ага, и пить по ложке три раза в день. Дурь как рукой снимет.

Об этом случае тут же узнала вся деревня, и над парнем стали подшучивать:

– Гриш, дай настоечки полечиться.

Слова Гришка не получил. В утешение кто-то протянул ему полстакана самогона.

На свадьбу был приглашён и директор овощеперерабатывающего комбината, базирующегося на территории деревни – Иван Иванович Щербак. Сорокавосемилетний мужик, холостой, с патологическим страхом перед собственной мамочкой, женщиной насколько габаритно-объёмной, настолько известной крутым нравом.

– Иван Иванович! – протиснувшись за спину сидевшего в ряду гостей Щербака и смело смолившего сигаретой в компании участкового Фёдора Степановича Коржа, испуганно прошептала его секретарша: – Сюда идёт ваша мама!

Директор тайно от родительницы покуривал в рукав. На свадьбе, считая, что ему никто не помешает, расслабился в компании мужиков, и с наслаждением потягивал «Мальборо».

Едва услышав «известие», директор в панике швырнул недокуренную сигарету под стол.

– Наташа! – закричал он благим матом, оборачиваясь к девушке и разгоняя от себя табачные клубы дыма. – Быстро дай мне «дирол»! – И принялся судорожно хлопать себя по карманам, чего-то выискивая.

– Нате, – подала ему девчонка жевательную резинку. Та всегда на всякий случай держала её наготове.

Запихав в рот «спасатель», Щербак плюхнулся на скамейку и сцепил на животе руки.

– Всё, всё, иди к себе, – махнул он в сторону секретарши.

– Что-то от тебя несёт табачищем, – отодвигая участкового от сына и усаживаясь между ними на лавке, приняховивалась грозная мамаша. – Не пойму, то ли от тебя дымом воняет, то ли от Федыки, – сказала женщина, называя полицейского Федыкою. Тот, зная, под каким колпаком у собственной мамы находится директор, решил прийти тому на помощь.

– Именно от меня и несёт куревом. Вот оно, – Фёдор показал зажатую в руках сигарету.

– Не позволяй им курить рядом с собой, – поучала она сыночка. – Я как-нибудь приду к тебе на участок, и прочту у вас лекцию о вреде курения, – обратившись к участковому, пригрозила мадам, чем до смерти напугала сыночка-директора.

С неё может статья. Запросто пойдёт в полицейский участок и опозорит его перед всем белым светом. И так уже над ним почти вся деревня смеётся. Иван Иванович понимал своё состояние, но ничего не мог поделать со своим страхом перед матерью.

Невеста сидела за столом роза розою. Недаром вчерашний вечер допоздна красила ногти красным лаком, купленным в сельпо за тридцать рублей пузырёк. Правда, сквозь него проглядывают чёрные ободочки под ногтями, да кто к ним будет приглядываться. Не успела и шею помыть, батя забыл натаскать в бочку воды, пришлось свадебное платье надевать с немойтой шеей, но всё это были мелочи. Главное, что у неё, на зависть всей деревне – городская свадьба.

Жених не спускал с невесты влюблённых глаз. Старался меньше пить, его припугнули: напьюсь – невесту украдём. Для верности Петька привязал носовым платком поясok её свадебного платья к своему ремню.

– Посмотри на Пашку, – шепнула Зойка на ухо невесте её свадебная подружка. – Косит под Билана.

– Это как? – спросила Нюрка. – Неужто запоёт?

– Ты что! Мотню спустил до самых колен, – и девчонки расхохотались.

Свадьба катилась, пела, гремела, танцевала.

– Ты представляешь, что мой давеча отмочил? – сидя рядышком за столом, едва пригубившие самогона, две Малявкиных соседки вели интересные для себя разговоры. Их не колыхали проделки молодёжи и мужиков на свадебном веселье, для них интереснее делиться собственными заморочками. – Вчера моему мужику выдали в мастерской зарплату. Приходит домой, ну а я, по привычке, как всегда стала его пилить: дескать, вон, люди деньги на книжку ложат, а у нас ни копейки за душой. А он прошёл в хату, переоделся, а потом уселся за стол и огорошил, что зарплату получил и деньги положил на книжку. Представляешь!? Я ждала его получку, как Бога, чтобы Вальке к школе купить обувь, а тут нате вам – на книжку. Ты что, сдурел, говорю. А на что жить? И понеслось.

– Он что, действительно положил деньги на книжку? – поинтересовалась товарка.

– Действительно, только та книжка была дочкиной географией, и лежала она на телевизоре, вот он и положил на эту самую книжку свою зарплату. – Бабы залились хохотом.

– А я тебе расскажу про своего дурака. Ну, ты знаешь, что наши деревенские мужики унадились шастать к Катьке-Забродихе. Говорят, что в карты там играют. Не буду обманывать, сама там не была, не знаю, чем они там занимаются. Но только с недавних пор к ней нацелился ходить и мой придурок.

– Да ты что?!

– Представь себе. Сходил раз, сходил другой. Мне-то это до балды, как говорит мой внук, да только когда козёл возвращается домой, путается в темноте, гремит тазами, а я просыпаюсь и уже не могу уснуть от злости, в общем, его ночные походы окончательно доконали меня.

– Это же надо такое! – сочувствовала подруга. – Ну и что? Всё ещё ходит до сих пор?

– Не-а, отучила.

– Да ты что! А как?

– А я к вечеру прячу его зубы.

И они снова весело расхохотались. И в их жизни порой случаются забавные курьёзы.

Внимание всех гостей привлёк лесник, явившийся на свадьбу с опозданием, но с подарком. В руках он держал красивые ветвистые рога изюбря.

– Я... вот тут... ну... короче принёс тебе, Петька подарок, ну, рога в подарок. Прими от меня в день свадьбы.

– Ты их лучше оставь себе, – тихонько сказал ему на ухо Гришка-озорник. – Они тебе к лицу.

Он знал, что говорил.

Лесник не понял шутки, а подарок передал молодым. «Городская» свадьба в деревне набирала силу.

– Фёдор Степаныч! Колька с Фedyкою дерутся на улице! – продравшись сквозь орущую толпу гостей до участкового, прокричал соседский пацан.

– Ну, мне эти петухи, ни одного праздника не проходит без их драки, – бурчал блюститель порядка, пробираясь вслед за шкетом.

– Ну, и в чём причина ваших разборок на сей раз? – грозно рыкнул блюститель на драчунов, трясая обоих за шкурки. Участковый был объёмен телесами и могуч силушкой.

– Да мы что... да мы... ничто, Степаныч, мы тихонько себе дерёмся, никому не мешаем, – повинился Колька.

– Тихонько? А почему у тебя от «тихонька» фингал под глазом, а у Федьки нос расквашен? Знаю я ваше «тихонько». Снова, Колька, подрались из-за твоей бабы? Тебе пора уже свою Машку приструнить. Пусть поменьше подолом перед чужими мужиками метёт. Тогда и не будешь «тихонько» драться.

– Да я что... да я ничего... я вот предупредил Федьку, а он озадачил меня под глазом.

– Предупреждаю последний раз: ещё раз подерёшься с кем, отправлю на пятнадцать суток в городское отделение полиции, мести улицы. А с тобой, Фёдор, у меня будет отдельный разговор.

– Да я... да мы вот... ни в какую... Семёныч! Честное слово... мы замирился навсегда. – Едва держащиеся на ногах молодые мужики обнялись, и, едва шагнув в сторону, тут же повалились в густой бурьян у забора. Участковый не стал ожидать, пока те поднимутся на ноги, а вновь вернулся к свадебному столу, где всё пело и плясало.

– Ирина Фёдоровна, а правда говорят: если есть много морковки, то зрение улучшится? – задала очередной вопрос дотошная старуха фельдшерице, сидевшая рядом с девушкой за столом и до одури надоевшая той.

– Правда. Вы когда-нибудь видели кроликов в очках?

– Ирина Фёдоровна, а вы случайно не дочь Фёдора кузнеца из Осиновки? – продолжала надоеда.

– Дочь. А вот что случайно, слышу впервые, – с раздражением сказала медичка. Она с удовольствием избавилась бы от назойливой соседки, да была зажата в самом дальнем углу, откуда самостоятельно выбраться не представлялось возможным. Однако Ирине Фёдоровне всё же удалось избавиться от любознательной бабки. Фельдшерицу позвали к старику-учителю – тому стало плохо.

Пожилой учитель жил бобылём, Ирине приходилось частенько навещать несчастного из-за его больного сердца. Девушка попросила молодых парней довести учителя до дому.

– Александр Николаевич, я пришлю к вам на ночь медсестру.

– Спасибо Ирина Фёдоровна, как-нибудь в другой раз, сегодня я сильно слаб, – у старого учителя ещё хватило сил для шутки. – Ко мне приехала дочка, – уже серьёзно сказал он посережевшими губами.

Свадьба принимала вселенский размах. Во дворе уже не хватало места для танцев. Гармониста, местного фермера, усадили на вынесенную кем-то табуретку за калитку, и веселье вылилось на улицу. Образовался плотный круг зрителей из гостей и многочисленной деревенской детворы. Внутри круга, выделявая кренделя, отплясывали гости.

– Ерофеич, а ты знаешь, почему русских меньше, а китайцев больше? – сидя на скамеечке, прислонившись к забору спиной и наблюдая за веселящейся молодёжью, задал вопрос древний дед такому же, как и сам, собеседнику.

– Не знаю, а почему?

– Когда Господь создавал русский народ, то сказал: «Плодитесь и размножайтесь», а китайцам повторил три раза.

– Так оно, видать, и было на самом деле, – не поняв юмора, согласился старый Ерофеич.

Гости упились до невменяемости: орали, пели, кричали кто во что горазд. Невесту стал раздражать пьяный разгул приглашённых гостей: разве они могут культурно вести себя, внутренне кипела негодованием «интеллигентная» невеста, выходит, никакой городской свадьбы у неё не получилось.

От этого Нюрка вновь принялась капризничать. Жених уговаривал её, как мог, не расстраиваться, и кипел нетерпеливой любовной страстью. Малявкин-старший, усмотрев, что доченька снова принялась за старое, продрался до молодых:

– Ну, чем ты снова недовольна?

– Что ты одних пьяниц наприглашал на свадьбу! – надула губки новобрачная.

– Какие есть, таких и наприглашал. Где я тебе возьму Галкиных с Киркоровыми? – парировал батька, с тайной радостью что наконец-то сбегит с рук свою конопатую капризную доченьку Панюшкину Петьке. Парню неплохому, но, по всему видать, будущему подкаблучнику безалаберной Нюрки.

Однако папаша-Малявкин ошибся в прогнозе. Петька быстро пообтесал молодую с прибабками жену, выветрив из её головы «городскую» дурь, и стали они жить-поживать счастливой дружной семьёй. А вот об их «городской» свадьбе ещё долго с завистью судачила вся деревня.

Танец со жмурами или открытый балкон (Пародия на творчество Донцовой)

*Трупикив, трупикив маловато.
Из юмора Ю. Гальцева*

Тарию Клопову, или, по-семейному, Тарелку, до глубины души обидел зануда-следователь, посчитав её за ненормальную, когда та поведала, что с ней произошло. Девушка ничегошеньки не придумала, а рассказала ему чистую правду и только правду.

Сейчас, сидя за рулём, Тарелка вновь и вновь прокручивала события, произошедшие с ней нынешним вечером. Отлично помнит, как после работы вышла из офиса, села в свою машину и, прогрев двигатель, тронулась со стоянки.

Помнит, как Сашка Блохин из «Общего отдела», в то время копавшийся в багажнике своей «Нивы», что-то прокричал, махая рукой в её сторону.

Она не обратила на него внимания, посчитав, что тот, как обычно, прикалывается над ней. Остряк любил подшучивать над Тарелкиной доверчивостью. Однако, руля по основной трассе, она заметила, как обгоняющие её водители что-то кричали, тыкая пальцами в её машину. Присмотревшись в зеркало заднего обзора, она увидела открытую крышку багажника.

Вот тут-то и началось то, что привело её в кабинет следователя Прокуратуры, благо, знакомого.

– Ну, что у тебя на сей раз? – не отрывая глаз от бумаг, разложенных перед ним на столе и роясь в них, спросил Олег Максимович Гречкин, следователь Прокуратуры и, по совместительству, Тарелкин сосед по площадке.

– Олег Максимович, у меня в багажнике труп! – опёршись обеими руками о стол и нависая над соседом, сообщила девушка. – Прошу зафиксировать покойника и освободить мой багажник, – решительно заявила она. Её визит в кабинет следователя был не первым.

– Ну, и что? – по-прежнему не глядя на Тарелку, меланхолично пробурчал тот, продолжая чего-то выискивать в бумагах, видать, вчерашний день.

– Вы что, не слышите? У меня труп в багажнике!

– Ну и где ты его откопала на сей раз? – наконец отыскав нужный лист, принялся в нём что-то яростно черкать и исправлять.

– Вы будете смотреть труп или я вываливаю его у вас перед Прокуратурой и разбирайтесь сами! – заявила Тарелка твёрдо и решительно. – Покойника домой везти я не собираюсь!

– Слушай, Клопова, почему к тебе сбегаются трупы, словно мухи на мёд?

– Мухи не сбегаются, а слетаются. Так идёте смотреть или нет?

Следователь был прав в своих претензиях к соседке. Дело в том, что это был не первый труп, с которым нахальная особа появляется у них в прокуратуре.

– Всё, достала! – выбираясь из-за стола, простонал Гречкин. – Пошли, знакомь со своим жмуриком. Вижу, не отстанешь.

Несмотря на горевшие светильники, во дворе Прокуратуры всё же довольно сумрачно. Машина Тарелки едва просматривалась в тени здания.

– Вот, смотрите! – она решительно открыла багажник и с безразличным видом опёрлась о машину. Следователь наклонился, а затем засунул голову под крышку, пошарил глазами и для верности похлопал ладонью по днищу багажника.

– Ну и где, скажи пожалуйста, твой жмурец? – с подозрением глядя на Клопову, поинтересовался Олег Максимович. У него зародилась крамольная мысль: а не заимела ли к нему

соседка интимный интерес? И не имея иного способа привлечь внимание женатого многодетного мужчины придумала являться к нему с «трусами».

– Как это где? – заерепенилась Тарелка и кинулась к багажнику. Оттолкнув следователя, принялась шарить руками по всему пространству. Даже перевернула ведро, что валялось тут же. Однако труп обнаружить не удалось. – И куда он мог, по-вашему, деться? – растерянно вылупилась она на соседа.

– Значит, так, Клопова, несмотря на то, что ты моя соседка, я прикажу задержать тебя на двадцать четыре часа, если ты ещё раз явишься ко мне со скелетом.

– С каким скелетом? Это был самый настоящий распрекраснейший жмурец. Вы что, меня запугиваете? Я что, раньше вас обманывала? Скорее всего, пока я уговаривала вас посмотреть труп, кто-то подошёл и забрал его. – осторожно выдвинула она версию.

– Всё, Клопова. Ты меня достала. Пользуйся моей добротой. На сей раз обойдёмся предупреждением. Езжай домой, у меня ещё уйма дел. А ты отвлекаешь меня своими глупостями.

Тарелке ничего не оставалось делать, как захлопнуть багажник, забраться за руль и, вставив ключ зажигания, завести двигатель.

Она ехала домой и рассуждала. Уж не показалось ли ей, на самом деле, что в багажнике труп? Стоп! А почему этот самый багажник был открыт? Ведь такого никогда не бывало, чтобы она вот так, ни за что, ни про что, оставила его открытым. Потому и не обратила внимания на его запахнутость, пока водители не стали тыкать в её сторону пальцами. Видать и Сашка об этом кричал, когда она выезжала с территории офиса.

Клопова имела личный гараж в кооперативе, доставшийся ей от родителей. Те, уйдя на пенсию, благополучно перекочевали в деревню на заветные грядки с овощами.

Подъехав к гаражу, отпёрла ворота, включила свет и... остолбенела. Нет, не остолбенела. Она ошалела. На бетонном полу гаража лежал «её» знакомый труп, и, кажется, не в одиночестве.

Рядом с ним «отдыхал» ещё один такой же. А что это были трупы, тут и к гадалке не ходи. Первой мыслью было: звонить Гречкину! Немедленно! Буду лично сторожить жмуров, надеюсь, на этот раз никто из них не сбежит, и никто не похитит, пронеслось в голове. Тарелка кинулась к машине за сотовым, тот всегда лежал рядом, на соседнем сиденье.

Однако её ждало разочарование. Кончилась зарядка. Что же делать? Что же делать? Кусала она сжатые в кулак пальцы. Как назло – ни один гараж не светился, и ни одна машина не торчала у ворот.

Быстренько сбегаю к будке охраны, не спуская глаз с гаража, тем более яркий свет падает изнутри, и всё отлично видать, рассудила Клопова.

– Разрешите позвонить в Прокуратуру! В моём гараже труп, нет, два! – прокричала она ошалевшему от убийственного известия охраннику.

– Какой труп... то есть два? Ты что, девка, с крыши свалилась? Откуда у нас возьмутся трупы? – Он с сомнением посмотрел на члена кооператива, к которому питал некоторое сомнение относительно её мыслительной устойчивости. – Не дам звонить, пока сам не убедюсь... убежусь... пока не увижу трупы, – плюнув на «убежусь», резонно заявил охранник.

– Пошли, пошли, убедитесь, а то я возила его в Прокуратуру, а там мне не поверили. Правда, там его и не оказалось... – выкрикивала она в спину охраннику, пока тот шагал в направлении светлой полосы из запахнутых ворот её гаража.

– Ну, и где твои трупы? – остановившись у ворот и заглянув в гараж, спросил охранник.

Тарелка, с разбегу ткнувшись в спину мужика, заглянула в гараж и остолбенела. Трупов как не было!

– У тебя, девка, с психикой всё в порядке? – с опаской посмотрев на Клопову, поинтересовался он. – Если пьёшь, то надо закусывать, – зло посоветовал охранник. Смачно плюнул себе под ноги и двинулся в сторону будки.

– Да что же это такое?! Или действительно у меня, как сказал охранник, крыша поехала? – вслух рассуждала Тарелка, приближаясь к подъезду собственного дома.

Однако ей не удалось попасть домой. Едва ступив на заснеженную детскую площадку, которую никак нельзя миновать, как тут же увидела своих знакомцев: парочку гаражных трупиков. Те спокойно лежали, словно поджидая её.

– А, вот вы где! Ну ладно, теперь я от вас не отойду ни на шаг. Буду ждать свидетелей. Кто-то же должен пройти мимо. Я попрошу вызвать полицию. Пусть тогда попляшет Гречкин, – мстительно рассуждала Клопова.

Мороз крепчал, прохожие не проходили. Собачники не появлялись. Трупы продолжали лежать, как ни в чём не бывало. Её лёгкую шубейку мороз быстренько пробрал «до костей». Ноги в модных сапожках пока находились в начальной стадии окоченелости.

Недолго ещё и самой замёрзнуть и завалиться рядом с этими жмурами, рассуждала искательница приключений на свою голову. Ну и что я хочу доказать этому Гречкину? Да пошёл он подальше, разозлилась Клопова, и, даже не взглянув на трупы, на полубесчувственных ногах зашкандыбала к подъезду.

Там ей встретилась соседка с первого этажа, направлявшаяся во двор выгуливать свою кривоногую собаку. Да ну её! Ничего не буду говорить о жмурах, рассердилась девушка. Сама наткнётся на них, пусть и вызывает полицию, и захромала на свой шестой этаж. Лифт почему-то не работал.

Ей с трудом удалось открыть дверной замок. Настолько заоченели пальцы. В прихожей было тепло и уютно. Щёлкнув выключателем, с облегчением стянула сапожки, сбросила шубейку на рыбьем меху, и, дуя на «охрипшие» пальцы поплелась в комнату, переодеться и заняться ужином.

Включив свет – едва не лишилась сознания. На полу, на её любимом ковре, на котором любила отдыхать и смотреть телевизор, преспокойно лежали два её знакомых жмурца. Как была, в колготках, так с диким криком и выскочила на площадку.

Напротив её дверей жил дядя Вася – слесарь ЖЭУ. Тарелка бешено застучала к нему в дверь, забыв о звонке.

– Ты чего, девка, сказала? – На площадку в деформированном времени и износом трико и в под стать замызганной майке, вышел Василий.

– Там, там!!! – тыкала она пальцем в сторону своей двери.

– Ну, что там? Трубу прорвало, что ли?

– Нет! Дядя Вася, там у меня два трупа!

– Ты, что ль, кого убила? Так вызывай полицию и кайся. Я тебе говорил: выходи замуж за моего сына. Одиночество до добра не доведёт. – У Василия был сын, нигде не работал, но пил ежедневно. Как вернулся из Армии, почти как год, так с тех пор и пьёт. Говорит, что отдыхает от воинского долга. Василий пытался пристроить сына к какой бабе, да тот настырно упирался идти в семейное стойло.

– Дядя Вася, пожалуйста, вызовите полицию!

– Пошли вначале посмотрим, кого ты там пришибла, случайно не моего ли балбеса. Он тут надясь толкался с какими-то хмырями, – направляясь к Тарелкиным дверям, рассуждал сосед.

– Да никого я не убивала, они сами...

Василий шагнул в квартиру. Хозяйка осталась трястись в прихожей.

– Ну, где тут твои жмурики? Показывай! – прокричал он из глубины квартиры.

– Они лежат на ковре, прямо перед вами, – просипела Тарелка.

– Да никого тут нету. Я посмотрел и в спальне, и в шкафу. Никого. И тут нет, – приоткрыв дверь в туалет, а потом на кухню, сказал сосед.

– Как это нет! – закипятилась девушка. – Я что, по-вашему, дура? И всё придумала?

– Такое помутнение рассудка возможно от долгого воздержания в девках. Так сказать Митьке, чтоб пришёл свататься?

– Да идите вы со своим Митькой подалее!

– Нет, посмотрите на неё. Сама подняла шум с покойниками и тут же выгоняет. Точно, завтра пришло к тебе Митьку, – выходя из квартиры, бурчал озадаченный слесарь.

Он так и не понял, для чего соседка позвала в свою квартиру. Вроде не пьёт и не буянит. А надо же. Видать, действительно умом тронулась девка от воздержания и одиночества, решил сосед и скрылся за дверями своей квартиры.

Ночью девушка несколько раз подхватывалась с постели и осматривала квартиру, но трупов, слава Богу, нигде не было. Утром, как всегда, отправилась на работу. Едва её коллеги расселись по рабочим местам, как Тарелка, горя внутренним нетерпением поведать о вчерашнем приключении, уже было раскрыла рот, как тут же и захлопнула его.

Клопова дорожила своей работой и боялась её потерять. Однако поведать сотрудникам о трупях, у «доброжелателей» могут возникнуть неординарные ассоциации. А у руководителя на основании их «доклада» появится резон объявить её состояние неадекватным, с последующими... ясно с какими... выводами её за дверь офиса, с минимальным выходным пособием.

– Ладно! – зло выворачивая руль со стоянки, вечером возвращаясь домой, ругалась Тарелка. – Я докажу всем, что трупы были. Пусть тогда Гречкин попрыгает у меня!

И доказала! Оказывается, некоторые личности, шибко заинтересованные в отъёме её собственного гаража, придумали «шоу» с покойниками, позаимствовав тех в брошенных подвалах, как бесхозных бомжей.

Всё это рассказал ей Митяй, слесарев сынок, тот самый, что почти год как возвернулся из рядов доблестной Армии, пьёт и нигде не работает.

– Так это твоим гаражом пацаны нацелились завладеть? – поинтересовался он у соседки. – Они рассчитывали испугать тебя, чтобы ты забоялась появляться в гараже и продала его им. А я-то, дурак, не знал, что это они тебя пугают. И как последний идиот, помогал им.

– А как пропали трупы из квартиры? Я же с твоим отцом стояла тут же, на площадке.

– Эх, ты, святая простота! Да что же тут сложного? Твой балкон соединён с соседским. С него пацаны и заволокли жмуриков в твою квартиру, – пояснил он очумевшей девушке. – А пока ты базарила с батей, сбросили их с балкона и все дела.

– Да-а, а я ещё подумала, почему это у меня в зале холодновато.

– Ладно, Тарелка, не трухай. У меня всё под контролем. Я только вчера узнал об истинной причине с тасканием трупов. Ну, в смысле гаража. Поначалу думал, что пацаны просто прикалываются.

– Слушай, Митя, а как ты думаешь, стоит мне об этом заявлять в полицию?

– Нет, ну ты и даёшь! Да кто тебе поверит, что у тебя дома валялись трупы?! Чем ты докажешь? Трупов нет и дела нет.

– Это точно, – согласилась с ним соседка. – Мне и Гречкин не поверил.

Вскоро после всех этих происшествий, Митяй бросил пить, устроится в полицию водителем. Приобрёл модный прикид, а восьмого Марта, с веточками мимозы и коробкой с тортом постучал в дверь своей соседки.

А Тарелка, по паспорту Тария, вдруг обнаружила в себе детективные способности, оставила прежнюю работу и перешла работать в детективное агентство.

Соперницы

Яков Семёнович Тарелкин, владелец какой-то конторы, что сделала из него «миллионера», доживший до шестидесяти восьми лет, оставался неженатым, естественным путём перейдя в разряд устойчивых холостяков – не путать со статусом бобыля.

Не сказать, что мужик имел отвратительную внешность, от слова «отвращать», напротив, временами, несмотря на приличную, рано поселившуюся на темени плешь, внушал определённую симпатию дамам, имевшим тайные помыслы заманить непокорного в стойло Гименеевых лабиринтов.

Однако потуги прелестниц оставались втуне. Жил Яков Семёнович в высотном доме, в престижном районе города, в приличной, даже можно сказать шикарной по нынешним временам четырёхкомнатной квартире, не считая подсобно-хозяйственных закоулков.

Домашнее хозяйство Тарелкина вела дальняя родственница, где-то его ровесница, с простым русским именем Василиса, вывезенная им из родной деревни Пески, намертво прихлопнутой реформами родного государства. Женщина по всем статьям соответствовала запросам Якова как помощница: не лезла с советами, никогда не высказывала своего мнения, пока её не спросят, была хорошей кухаркой и чистоплотной хозяйкой.

По утрам на столе Якова всегда ожидал горячий завтрак, в прихожей сухая, в любую погоду, вычищенная обувь, опрятная одежда по сезону, и привычный, немного потёртый по углам портфель добротной кожи. При этом сама Василиса в зрительном обзоре не наблюдалась. Якова это вполне устраивало. Не требовалось от него распинаться в излишних реверансах за хозяйственно-кухонные услуги.

Всё было тихо и спокойно до тех пор, пока их сосед – участник Великой Отечественной – не надумал переселиться на почётную «Аллею ветеранов» местного погоста. Наследники с почестями проводили орденосца в последний путь и спустя некоторое время благополучно реализовали ветеранскую квартиру.

Соседкой Якова оказалась энергичная, можно сказать боевая дама, по имени Клавдия, на возрастной грани немного за шестьдесят и, как стало позднее известно, с законным статусом вдовы. Квартиру ей купили дети, люди с достатком, имеющие собственный прибыльный бизнес.

Клавдия на следующий же день своего заселения на новые для неё квадратные метры позвонила в дверь Якова. Тот в это время отсутствовал по причине нахождения на службе. Дверь новоявленной соседке открыла Василиса. От неё вдова и получила оччч-че-е-нь интересную информацию о хозяине квартиры.

Отбросив все ненужные подробности, предприимчивая вдова уяснила главное: за стеной её квартиры живёт «кошелёк», причём ничейный, то есть бросовый. Такую бесхозяйственность деловая дама ну просто не могла допустить. «Кошелём» должна владеть она, и, естественно, единолично.

Началась эпопея по захвату. Клавдия ежедневно устраивала вроде бы случайные встречи с «миллионером»: то у его двери, то возле лифта, то на лестничной площадке по пути к мусоропроводу, а то под аркой при входе во двор дома.

Она с загадочной улыбочкой здоровалась с соседом, а тот, отдавая дань вежливости, отвечал на её приветствие лёгким кивком головы, но не более того. Однако Клавдия не теряла надежды на захват привлекательного «плацдарма».

Не упускала случая при встрече обратиться к нему с пустячным вопросом типа: а не скажете ли, который час? Пробовала даже лёгкий флирт. Однако сосед, словно замороженный, совершенно не реагировал на её завлекательные ухищрения, можно даже сказать, ни разу не шевельнулся.

Потерпев поражение в оккупации «портмоне» дипломатическими методами, Клавдия решила перейти на убойные «позиции»: насмерть сразить «кешаль» собственными соблазнительными прикидами. Для этого ей даже пришлось отправиться на обширный китайский рынок, и едва ли не полдня рыться в куче «нарядов».

Набив сумку покупками, она довольная вернулась домой. Вечером того же дня, накрасив губы и начернив брови карандашом, хитровка, словно паук, поджидающий глупую муху, устроила «калите» засаду у мусоропровода. Для усиления «убойности» момента приняла живописную позу с ведром в одной руке и старым журналом в другой.

Модный прикид выше колен и оголённое плечо вкуче с обнажённой конечностью приведены в готовность к «расстрелу» плешивого упряма. По её мнению, едва тот обзрит её «ню», как тут же вывалит перед ней всю банковскую наличность.

Однако хитро подстроенная захватническая операция с засадой у мусоропровода, с обнажением конечностей и отдельных частей тела провалилась. «Кошелёк» так и не появился.

Как потом выяснилось, Тарелкин по заявке клиента понёсся аж в другой город. Выходит, что вся подготовленная ею «завлекаловка» коту под хвост, страдала вдова, стаскивая с себя платье на три размера меньше её собственного.

Дни неслись чередой, а дело по захвату «плацдарма» в виде плешивого соседа, по определению самой Клавдии, как было на нулевой отметке внимания, так и оставалось в точке замерзания. Никакого потепления, то ли отморозки, то ли разморозки со стороны «кошелька», так и не произошло.

В захватнических хлопотах пролетел целый год. Однако интимных поползновений со стороны соседа в сторону Клавдиного интереса как не было, так и не усматривалось – никакого просвета.

И вдруг...

Поздней ночью, где-то после полуночи, когда Клавдия рассматривала десятый сон, в дверь громко затарабанили, хотя перед носом каждого посетителя чётко вырисовывалась кнопка звонка. От неожиданности ошалев от страха, Клавдия вскочила на ноги, не соображая в какую сторону кидаться.

Пожар!!! Мелькнуло в голове. Только так стучат, когда случается пожар!

Но то был не пожар, а похуже.

– Кто там? – пугаясь, спросила она.

– Клавдия, открывай!!! – услышала она едва не крик Василисы.

– Что случилось?! – закричала Клавдия, трясаясь от неизвестности, едва успев соседке отворить дверь.

– С Яковом Семёнычем плохо! Что мне делать? Я деревенская, совсем не знаю ваших городских порядков. Куда бежать, кого звать? – голосила Василиса, трясаясь в рыданиях.

– Успокойся, сейчас мы вызовем «Скорую», – уже нормальным голосом сказала Клавдия.

– Сейчас приедут, – опустив телефонную трубку на рычаг, успокоила она перепуганную женщину. – Пошли к вам, посмотрим, как у него дела.

Клавдия запахнулась в тёплый халат и в домашних тапочках вместе с Василисой ринулись в покои занедужившего «кошелька». Тот по-прежнему оставался для Клавдии «кешалем» с дензнаками.

Примчавшаяся «Скорая» забрала несчастного в больницу, а на прощанье врач заявил растерявшимся женщинам: навестить больного можно будет только завтра.

Тарелкин в больнице провалялся почти две недели. Василиса, незнакомая с городскими заморочками, каждый раз просила Клавдию сопровождать её в больницу.

Постепенно самочувствие Якова в некотором роде стабилизировалось, и страдальца выписали домой. Однако самостоятельно передвигаться он не мог. Для его перемещения по

квартире была приобретена инвалидная коляска. Речь оставалась невнятной, отчего возникали трудности в общении.

Клавдия едва ли не переселилась на постоянное жительство к Василисе, насмерть запуганной состоянием своего благодетеля. Женщина опасалась сделать чего-то не так, боясь навредить больному.

Все ночные хлопоты добровольно взяла на себя Клавдия, надеясь таким образом повязать лысого. Не мытьём, так катаньем – рассуждала «хитрюга», не потеряв надежду запустить собственную руку в «мошну» соседа. В дневное время являлась медсестра и проводила лечебные процедуры.

Хотя и хлопотны ночные дежурства для соискательницы «кошелек», но дело того стоило, решила Клавдия, и продолжала долбить в одну точку. Дошло до того, что, уговаривая подопечного проглотить ложку бульона, поощряла его вроде бы как нечаянным лёгким чмоканьем в щёку. Немощный не противился подобной вольности, а возможно, не имел для этого сил.

Всё – решила для себя она, – «портмоне» у меня в кармане. Только бы не отбросил копыта до загсовой записи. А потом с ним хоть трава не расти: хоть – помирает, хоть – прямым рейсом в дом инвалидов.

И тут разразился скандал, да ещё какой!

Неожиданно, когда Клавдия, сидя перед коляской болезного, кормила его манной кашей, раздался звонок в дверь. Посчитав, что пришла медсестра, «кормилица», поставив тарелку с кашей на столик, направилась открывать дверь. Василисы на ту пору дома не оказалось – побежала в молочный.

– Где мой муж?! – врываясь в открытую Клавдией дверь, заявила молодая особа с явной выпуклостью в области талии. Это была Алла, в своё время проработавшая у Якова секретаршей пару месяцев до попадания того в больницу.

Не по годам сообразительная девица, прослышав, что у шефа заклинило крышу, решила воспользоваться удобным случаем в свою пользу.

– Ты кто такая, милочка? – голосом, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовалась Клавдия у незнакомки.

– Не знаешь?! Я в прошлом Яшина секретарша, а в настоящее время его любимая жена. Мы ждём с ним ребёнка! Вот! – выпятив живот – как оказалось, выпуклость намекала именно на его присутствие – кипятилась в ответ на Клавдино любопытство нахалка. – А ты кто такая, чтобы задавать мне подобные вопросы?!

– Я?! Ты спрашиваешь у меня, кто я?! – прошипела Клавдия и ткнула ложку с кашей в закрытый рот Якова. Каша сиротливо поползла по небритой щеке «миллионера» и скатилась на заворотную салфетку.

– Да, да, ты! – захохотилась молодая.

– Я – законная жена Тарелкина Якова Семёновича! Вот кто я! Уловила свиристелка облезлая?!

– Это я-то облезлая?! Ты что, не поняла простой речи, что я жду от Тарелкина ребёнка! Вот! Видишь живот? – Алла выставила выпуклость едва ли не под нос Клавдии.

– Нет, посмотрите на неё! Жена нашлась! Да знаешь ли ты, кошка драная, что у нас с Яшей растёт ребёнок, а не то, что у тебя там, под юбкою! А ну, давай, дрыгай отсюда, пока я не спустила тебя с лестницы! – Клавдия схватила «жену» за волосы и поволокла к двери, наподдав пинка под зад, и захлопнула за ней дверь. – Нашлась мне претендентка! – проворчала она вслед молодой секретарше.

Забыв про кашу, Клавдия подошла к Якову, безучастно сидевшему в коляске, и принялась поглаживать его лысину.

– Значит так, замшелый мухомор, не подтвердишь Василисе, что у нас с тобой общий ребёнок – пришибу. Ты меня ещё не знаешь, какая я «сердобольная». Захотел мой козёл уйти

к молодой шлёндре, той, что мыла у нас в подъезде полы, а я разве была против? Захотел – пусть идёт. Так нет же! Возьми да сигани с седьмого этажа – и сразу в лепёшку. Видать, от радости, что я не стала ему перечить. Так что подумай, прежде чем отказываться от отцовства. Неровен час, ещё чему обрадуешься.

Яков сидел с безразлично размазанной манной кашей по фейсу. Клавдия небрежно похлопала лысину несчастного.

В дверь постучали, послышались крики: «А ну, открой дверь, а то сломаю»!

– Ладно, живи пока. Надо посмотреть, что за претендентки прибывают на кастинг. – Клавдия едва открыла дверь, как навстречу ей заскочила та же настырная молодница с животом.

– Это снова ты?! – обомлела она. – Вижу, неймётся тебе. Захотелось стать миллионершей? На работе не сумела окрутить деда, так домой к нему прискакала! Не выйдет, милочка! Не всё вам, молодым вертихвосткам, охмурять беззащитных мужиков. Здесь этот номер не пройдёт!

– Что здесь происходит? – появляясь в дверях, растерялась Василиса при виде взъерошенных женщин, одна из которых явно с животом.

Молодая кидается к Василисе.

– Вот она, – тыкая пальцем в Клавдию, ерепенилась секретарша с животом. – Не пускает меня к моему законному мужу Яшеньке, от которого я беременна уже много месяцев. – Нахалка выпятила живот, показывая его наличие.

– Чего ты лепишь, шлёндра! Когда это ты успела забеременеть, если проработала у Тарелкина всего два месяца? А ну, показывай, чего ты там натолкала под юбку! – кинулась Клавдия на соперницу, стараясь её схватить, но та, отбежав в сторону, спряталась за Яковой коляской.

– И ничего я не заталкивала. Я пришла сообщить мужу, что у нас скоро родится ребёнок. Вот он, в животе, – плела околесицу начинающая врунья, похлопывая выпуклость.

– Значит, у тебя живот! – заорала пожилая претендентка в жёны, кидаясь к двери. – Посмотрим, что ты сейчас запоёшь. – Клавдия выскочила за дверь, словно за ней гнались. Она чувствовала, что у неё из-под ног убегает земля. А вдруг эта свиристелка действительно пузо вырастила, а старый мухомор распустит слюни и отдаст ей «ридикюль» с деньгами? Тогда, выходит, все её потуги больше года коту под хвост? Нет, этому не бывать! Сейчас она ей покажет!

– Ах, ты, мой котик, ах, ты, моя лапочка. Скоро у тебя появится котёночек. Мы будем с тобой его пасти, ой... то есть расти... ну, короче, выращивать, – мурлыкала молодая претендентка, поглаживая «мужнину» лысину.

Василиса, никогда не видевшая подобных сцен, сидела на диване, едва не теряя сознание. Она даже не могла подойти к Якову Семёновичу, чтобы стереть у него с лица манную кашу, опасалась разбойной пузатой девки.

– Я не знала, что Яков Семёнович занимается разведением котят, – промямлила добрая женщина, стараясь угодить психопатке.

– Помолчи! – презрительно бросила Алла, – Первое, что я сделаю, как только хозяйкой переступлю порог этого дома, выгоню тебя на все четыре стороны.

«Ты сначала переступи, а потом выгоняй», – мысленно расхрабрилась Василиса. Она знала, о чём думала, только боялась высказаться.

В распахнутую дверь со свёртком в руках залетела Клавдия. Чувствовалось, была она настроена воинственно, не на жизнь, а на смерть.

– Вот, посмотри, шлёндра! У нас с Яковым единоутробный ребёнок. Яша! – Клавдия стала совать свёрток в руки бесчувственного Тарелкина. Тот, по-прежнему вымазанный кашей, сидел безучастным к происходящему. – Вот это твой ребёночек, держи его. Он очень тебя любит. Всё говорит: пошли к папе Яше.

Алла, оторопев от невиданной наглости старой тётки, потеряв терпение, кинулась к сопернице с «младенцем», готовая вцепиться той в волосы.

– К какому папе Яше?! – завизжала она дурным голосом. – А ну, отойди от моего мужа, самозванка с подкидышем! – потеряв осторожность, молодая претендентка кинулась на Клавдию.

– От чего отойди?! – зловеще прошипела Клавдия.

– Не от чего, а от кого! От моего мужа! Вот от кого! У меня не видишь – живот, – она вновь выпятила выпуклость. Совсем осмелела Алла, видя, что руки соперницы заняты свёртком.

– Что ты носишься со своим животом, как кошка с колбасой! – Клавдия подскочила к сопернице и оттолкнула её. – А ну, прочь от отца моего ребёнка, самозванка!

– И не подумаю! Сама самозванка, старая карга! – цепляясь за коляску «мужа», обидно обзывала соперницу Алла.

– Ах, я карга! – претендентки сцепились в драке. Более объёмная Клавдия схватила щуплую Аллочку и повалила её на Якову коляску. Та накренилась и вместе со страдальцем рухнула на пол. Теперь соперницы дрались уже на безразлично-валявшемся Тарелкине, почём зря мутузя друг друга, при этом тумачи доставались и предмету их побоища.

Неожиданно у Аллы вывалился «живот». Клавдия, схватив валявшегося в стороне своего «младенца», принялась им лупцевать соперницу теперь уже без «живота». Наконец, осмелев, Василиса бросилась к дерущимся:

– Прекратите безобразие! Да что же это такое! Устроили побоище, начисто затоптали, кобылицы, несчастного человека. Помогите мне поднять Якова Семёновича!

Претендентки, прекратив побоище, одёрнули юбки и принялись поднимать коляску вместе с Тарелкиным, а затем Василиса с Клавдией оттарачили его в спальню.

Оставшись одна, Алла привела в порядок одежду, волосы, подобрала с пола «живот» и «младенца». Ухмыляясь, покачала свёрток на руках, презрительно сплюнула.

– И это называется ребёнок? – она потрясла свёрток и бросила его на диван.

– Ты чего это разбросалась тут?! – закричала Клавдия, появляясь в дверях вместе с Василисой. Вдова уселась на диван, взяла свёрток и положила на колени. – Это не дитё, дура, а копия. Не могу же я с тобой драться настоящим ребёнком. Зато у тебя «настоящее» пузо, – понасмешничала она, вытаскивая из-под себя «живот», на который уселась, и принялась тыкать им в Аллочку. – Вот твоё «настоящее» пузо! Тьфу! Срамница!

– Бросьте вы, бабы, драться из-за Якова Семёновича. Не возможный он иметь детей.

Клавдия так и ахнула:

– Это как же понимать?!

– А вот так, – стала пояснять Василиса соперницам. – В детстве переболел он тяжёлой формой паротита, по-простому свинкой. И получил тяжёлое осложнение по этому делу.

– По какому делу? – разинула рот молодая претендентка.

– По твоему животу, вот по какому делу, – презрительно зыркнула старшая соперница в её сторону.

– А может, по твоему свёртку, – отбрила соперницу осмелевшая Алла.

Клавдия не осталась в долгу:

– Не твоё сопливое дело. Забирай свой живот и дуй отсюда, пока я тебе не накостыляла по ушам.

– Смотрите, как бы я не накостыляла тебе вместе с твоим подкидышем.

– Это у кого подкидыш?! – озверела Клавдия и начала медленно приподниматься для новой битвы.

Но драка не состоялась. Кто-то позвонил в дверь. Василисе надоела перепалка двух дур: и молодой, и старой.

– Успокойтесь. Что вы делите шкуру неубитого медведя, – сказала она, скрываясь за дверью.

– Кто там ещё припёрся? – проворчала Клавдия. В дверях появилась медсестра в сопровождении Василисы.

– Забирай свой живот и дуй отсюда, чтобы я тебя больше не видела, – прошипела Клавдия сквозь зубы. – Видишь, пришла медик. Сейчас будет лечить «твоего» мужа, – обидно понасмешничала она над соперницей.

– А может, вашего? Уж больно он полюбил вашего сыночка: папа-Яша, папа-Яша, – передразнила Клавдию молодая соискательница.

– Пошла вон, позорница! – замахнулась та на охальницу. – Пока не пришибла. Да «пузо» своё не забудь, – злой подначкой отомстила ей старая претендентка. Алла схватила «живот» и вылетела за дверь.

Послесловие

Прошёл почти год. Тарелкин постепенно выкарабкивался из болезненного состояния. Уже самостоятельно передвигался по квартире, правда, при помощи трости. Его речь нормализовалась настолько, что свободно ругал Клавдию за её макли, когда замечал, что та, играя в «дурака», махлует с картами.

«Кошелёк» не сдал своих «позиций», так и остался в стане холостяков. Клавдины проiski Яков раскусил давно, и это его немало забавляет. Однако Тарелкин благодарен женщине за её заботу, проявленную во время своей болезни.

Со временем Клавдия бросит охоту за «кешалем», а Якова будет воспринимать как близкого человека, ну... как родню, так же, как и Василису.

Как оказалось позже, у всех у них одинаковая жизненная позиция и похожие увлечения: кино, музыка и книги. Со временем добрососедство переросло в крепкую настоящую дружбу, в родство, сделав их жизнь интересной и содержательной.

Яков после перенесённой болезни оставил службу и увлёкся поисками документов своей родословной, для составления «Родового древа». Не обделены его вниманием и дорогие ему женщины: Василиса с Клавдией, его помощницы и жизненные стимулы.

А вот относительно Тарелкиных «миллионов»: не так уж их и много. Однако достаточно, чтобы жить безбедно двум женщинам, и ему, одинокому мужчине. Хотя какой же он одинокий? Если рядом с ним, они – его преданная Василиса и забавная соседка Клавдия?

Как черти депутата в Госдуму выбирали

– Сегодня в двадцать часов всем собраться в большой преисподней. Состоится форум по обсуждению двух вопросов, – войдя в кочегарку, объявила личность, напоминающая жердь; таковой на деревне мужики в праздники дерутся. На плече длинный держал косу, словно собрался на сенокос.

И чертям из кочегарки, и грешникам из котла отлично знакома явившаяся личность: это был местный чёртов спикер.

– На форум допускаются только свои, посторонним вход в преисподнюю воспрещён, – строго предупредил лидер, выразительно посмотрев в сторону котла.

Черти тут же побросали кочерёжки, которыми ворошили жиденский костерок, и нацелились было рвануть на собрание, однако не успели и шагу сделать, как из котла высунулась личность с большой лысиной, в интеллигентных очках, с толстым портфелем и недовольным фейсом.

– У меня претензия, – заявил очкарик. – Я изложил её в трёх экземплярах. – Грешник принялся судорожно рыться в портфеле среди многочисленных бумаг. – Сейчас, сейчас, вы у меня попляшете, – грозился он, бросая обвинительные взгляды в сторону притихших чертей, вытаскивая кляузу.

Черти опустили рога и поджали хвосты: знают, чья кошка сало съела. Ну, начинается! Лысый, как всегда, покатит на них телегу, дескать, черти свои обязанности не исполняют на должном уровне, за костром следят спустя рукава, ленятся подносить дрова, и что в котле совершенная холодина.

– В чём дело? – строго спросил длинный, то есть здешний спикер, у недовольного грешника.

– Ну, ты, фуфло, – вылезая из котла и усаживаясь на край, процедил сквозь зубы амбал, в Белом Свете прозванный двустворчатым шкафом: – Исчезни, в натуре, – и словно пушинку смахнул лысого в котёл.

Он иногда защищал несчастных чертей. Тем приходилось несладко с топливом, и особенно с дровами, когда те сырые. Шкаф из милосердия к рогатым кочегарам иногда сам отправлялся в сарай за поленьями.

Лысый, видать, кому-то на дне котла наябедничал, и тут же вместе с ним выскочила целая орава грешников и накинулись на шкафа:

– Ты на кого батон крошишь?! – заорали они хором.

– Это кто там квакает? – не взглянув в сторону защитников, насмешливо проговорил громила.

– А ты не защищай чертей! – благим матом, поддерживаемый оравой сторонников, закричал с портфелем. – Пусть нормально греют котёл!

– Прекратите пререкаться! – строго постращал с косой.

– Видите, видите, не дают слова сказать! – хором закричали черти, почувствовав защиту спикера, однако на всякий случай спрятавшись за его балахоном.

– Короче, – сказал с косой. – Всему чёртову населению приказываю явиться на форум. Всё!

– Я протестую! – вновь завизжал очкастый вслед длинному, собравшемуся покинуть кочегарку.

– Против чего? – обернулся тот.

– Я протестую против геноцида!

– Слушай, заглохни! А? – вежливо попросил лысого амбал, и не стал сталкивать его в котёл. И уже местному спикеру: – А ты, пацан, в натуре, канай в отстой.

Длинный не заставил себя ждать, и растворился в сумраке подземного лабиринта. И едва он скрылся за поворотом, как черти бросились за ним.

А их словно кнутом подстёгивал крик лысого: ПРОТЕСТУЮ-Ю-Ю-Ю!!! – У-Ю-Ю!! Ю-Ю!

В громадной преисподней просматривался почти полный аншлаг. Черти чинно сидели по лавкам, изготовленным в далёких советских пятидесятых годах. Всё недосуг местному кагалу заменить деревянные позорища с откидными сиденьями на современные кресла. Просто стыдоба перед забугорным бесовским представительством – видите ли, средств не хватает на приличные седушки.

Черти знали, куда денежки уходят, да только побаивались хвостатые об этом говорить вслух. Один чёрт рискнул намекнуть, и что из этого вышло? Теперь вместе с грешниками парится в котле. Правда, бесенята не забывают своего отчаянного батьку, приносят передачи, чтоб веселее было тому томиться в неволе.

Но чёрту так понравилось общество грешников, что когда зачитывали его реабилитацию, нырнул на самое дно котла, и носа оттуда не высовывал. Его пробовали выманить наружу, посулив субсидию, однако помилованный так и не показался на поверхности. Ничего не добившись, благодетели плюнули с досады и отправились восвояси, не солоно хлебавши.

Убежавшие на форум черти бросили кочегарку на произвол судьбы. Дрова прогорели, угли остыли, грешники повывлазили на поверхность и расселись по краям котла. Самые отчаянные внесли предложение: всем вместе двинуть колонной на чёртов форум.

– Даёшь маёвку! – закричал во всю глотку лысый, готовый хоть сейчас начать протестовать, неважно по какому поводу.

– Заглохни! – шумнул на него шкаф. – Пацаны, давай стройся. Путь нам знакомый, не заблудимся. Идём колонной.

– Я протестую! – принялся за своё интеллигент с портфелем, однако был оттеснён в самый хвост.

– Запевай! – скомандовал шкаф и сам запел:

«... там на переулке, в кожаной тужурке...»

– Я протестую! – донеслось с хвоста. – Это не маршевая песня, и завизжал противным голосом: «...Мы смело в бой пойдём...»

Однако ни у кого не получил поддержки своему политическому порыву.

В зал большой преисподней колонна грешников втиснулась с осторожностью и без сквернословия. Принялись занимать свободные места. Чтобы не быть обнаруженными в первые минуты работы форума, шкаф усадил интеллигента рядом с собою и прикрыл ему рот ладонью, опасаясь раньше времени от него выкриков «протестую».

В зале заиграла торжественная музыка, засверкали разноцветные огоньки, словно пришёл Новый год. Однако вместо него явился спикер в балахоне, с неизменным косовищем на плече. Торжественным шагом промаршировал на трибуну, уселся за стол и объявил, что форум открыт, и что сейчас он огласит повестку дня.

– Якаж така пивистка, колысь казав длинный, вибираем киндидата? – послышалось из задних рядов.

– А ты как тут оказался, незалежна Украина? – засмеявшись, прошептал сидевший рядом с хохлом молодой смешливый чёрт.

– Выведите посторонних из зала! – застучал спикер по полу косовищем.

– Это кто, в натуре, здесь лишний? – послышалось из зала.

– Тогда ведите себя прилично.

– На повестке форума два вопроса.

– Мы протестуем! – закричали последние ряды.

– Был заявлен один вопрос о выборах депутата. Откуда взялся второй?! – закричал грешник в полицейской форме.

– Что тут делает полиция?! – завозмушался спикер. – Немедленно удалить!!

К полицейскому кинулись трое хвостатых добровольцев. Однако были остановлены грозным окриком:

– Это кого, в натуре, я не догоняю, в отстой? – услышали рогатые из зала и оробели. – Давай, канай назад, пока по репе не схавали, – пригрозил тот же голос.

Черти, поджав хвосты, поплелись на свои места.

– Ладно, пусть полицейский остаётся, за порядком будет следить, – сказал спикер, надевая грешника мандатом доверия.

– Итак, у нас два вопроса, – без передыху зачастил он, опасаясь очередного протеста. – Это выборы депутата и проблема с топливом. Короче, замена твёрдого, то есть дровяного топлива, на подземный газ.

– Протестую! – закричал во всё горло интеллигент, освободившись от амбаловой лапищи. – Газовые отходы нарушают экологию! – орал он благим матом, словно его режут.

– Нет, вы только на него посмотрите! Да что ты смыслишь, в натуре, в топливе? – с возмущением прокричал относительно приличный оппонент лысого из числа грешников.

– Ты чё, догоняешь в газе? – насмешливо спросил у очкарика шкаф, и добавил: – Отвечай, пацан, за базар, в натуре, когда пургу гонишь.

– Базар не моё направление, я учёный-эколог, я... – начал с портфелем, однако ему не дали ознакомить делегатов форума со своей биографией.

– Не обостряйте психику, блин! – невпопад выкрикнул опальный чёрт, помилованный, но не пожелавший возвращаться в свой хвостато-рогатый кагал.

Так и остался на постоянное котельное местожительство совместно с грешниками. Ему даже удалось частично овладеть некоторой словарной лексикой братков. Правда, ещё не привык в полной мере пользоваться ею, и выкрикивал абы что кричать.

– Рогатый, короче, заглохни! Дай пахану припарковаться, – осадил шкаф хвостатого сожителя. И уже к спикеру: – Давай, пацан, бадай по фене. Только не вздумай гнать пургу, надоело, в натуре, крошево, пора кончать базар. Короче, сразу заявляю активистам, блин: с выкриками – завязывай, в натуре, шумну пацанам, те быстро наведут шмон.

Спикер от такой поддержки приосанился, приветливо помахал делегатам косовищем, откашлялся и начал бадать:

– Относительно подогреваемости котла с грешным электоратом, это наш самый животрепещущий вопрос. Прошлый раз во время посещения кочегарки, выявились некоторые упущения. Черти неудовлетворительно исполняют свою работу. Грешники замерзают в котлах. А это недопустимо, – не на шутку разошёлся оратор.

– Пахан, кончай базар, объявляй рекламную паузу! – закричали грешники с задних рядов, и, повскакав с мест, обнявшись, запели неприличную песню про Мурку в кожаной тужурке.

– Я протестую против притеснения местного чертовского электората! – перекрывая пение, принялся орать эколог, перекинувшись на сторону обиженных чертей. Певцы плюнули и уселись на места.

– Заглохни со своими протестами! – зашикали на него сами черти.

– Я протестую против неудовлетворительного подогрева котлов! Я...

– Раз ты такой умный, иди и сам подогревай котлы, – огрызнулся на него чёрт, которого достал шалопутный грешник своими выкриками.

– А ты... – брызгая слюной, очкастый обличал чёрта, – а у тебя... Да у тебя все грешники из котла повывлазили! Вот!

– Нет, вы посмотрите на такого умного. Тебе что, плохо в твоём котле? Или ты мёрзнешь? – добивался чёрт правды от зануды.

– Сидел бы в котле да смолу не мутил, – поддержал коллегу чёрт с первого ряда, против баламута-грешника.

– Я сейчас вас выведу из зала! – напугал спикер не на шутку разошедшегося интеллигента.

– Не имеете права! Я – оппозиция! Где свобода слова?! Вот послушайте, что пишут газеты по этому поводу, – вскочив с лавки, интеллигент принялся судорожно шариться по карманам.

Однако ему не дали возможности ознакомить делегатов форума с газетной статьёй. Черти, монолитной стеной сплотившись воедино и опустив рога в землю, грозно били хвостами о скамейки, тем самым лишив чтеца слова.

– Чёртовы законы, – пробурчал лысый, не успокаиваясь.

– Давайте, предлагайте кандидатуру депутата! – стараясь перекрыть гвалт в зале, надрывался председательствующий, переходя к основному вопросу.

– А зачем выбирать депутата? – послышался тоненький голосок, по всей вероятности, малолетнего чертёнка.

– Раз надо выбирать, значит, выбираем! – обстоятельно пояснил спикер неразумному.

– А для чего надо? – настырничал малолетка.

– Ни для чего! Вот для чего! – грозно прорычал длинный.

– Ни для чего, тогда и не надо его выбирать! – продолжал полемику юный чертёнок.

– У тебя не спросили. Отрастишь рога, тогда и поймёшь, для чего! – окончательно осерчал председатель форума на чертёнка. И принялся нервно размахивать над головой косовищем, словно полковым знаменем.

– Когда будет фуршет?! – прокричал кто-то из зала не по существу повестки.

– Здесь тебе не дискотека с развлечениями, – сверкнув чёрными глазами в сторону распоясавшегося грешника, осуждающе проворчал старый чёрт, которому до чёртиков обрыдла неуправляемая обстановка на форуме.

– Братаны, сбациаем для депутата! – выкрикнули «певцы» с задних рядов.

– Да мы ещё не выбрали его, в натуре! – снова выкрикнул чёрт, переметнувшийся к грешникам.

– Предлагайте кандидатуру! – продолжал надрываться спикер.

На задних рядах грешники, обнявшись, вновь загорланили неприличные песни.

– Я предлагаю депутатом выбрать вас, – указал пальцем на спикера маленький грешник с большим пузом.

– Спасибо за доверие, но я уже депутат, – заскромничал тот. – Предлагайте другую кандидатуру.

– Я что-то не догоняю, в натуре, когда это ты, козёл рогатый, стал депутатом? Кто это тебя выбрал? – погнал волну хвостатый диссидент на бывшего вождя.

– Если ты такой умный, – набросилось рогатое сообщество на оппозиционера, – то становись сам депутатом.

– А я ему не доверяю! – снова взялся за своё лысый эколог.

– А тебя никто и не спрашивает, – насмешливо сказал старый чёрт. – Сейчас выведу тебя за дверь, вот там и кричи. Ты никому не даёшь слова сказать.

– Нет, вы посмотрите на него, он мне затыкает рот! Да кто ты такой, козлиная твоя обрзина?!

– Посмотри лучше на себя! – стал ответно обзывать чёрт, используя лексикон грешников.

– Заглохни! И спрячь репу! – прищкнул амбал на чёрта, неожиданно став на сторону мятежного революционера.

– Прекратите препираться, а то обоих выведу из зала, – пригрозил спикер, ко всему оказавшийся ещё и депутатом.

– Короче, вы долго ещё будете базарить? Я что-то не догоняю. Мы избрали депутата или нет? – спросил кто-то.

– Есть среди грешников алигарх? – поинтересовался спикер.

– Есть, – ответили с места.

– У меня есть предложение: назначить его депутатом в Госдуму от всей преисподней. У кого будут какие предложения? И будем закругляться, – посерьёзней председательствующий.

Черти поняли, что с грешниками им не справиться. Те просто запугали население преисподней. Рогатые были не согласны с кандидатурой, нервно били хвостами под лавками и выбивали копытами чечётку. Неужели их спикер переметнулся на сторону грешников? О времена! О нравы!

– Можно, я что-то скажу? – поднял руку олигарх. Председательствующий согласно кивнул. – Можно, я это шепну вам на ушко? – умильно глядя на чёртова спикера, расплылся тот в нарочитой слащавости.

– Я протестую, какие могут быть тайны от товарищей по партии?! – заорал эколог, сбегавший от шкафа. Сейчас он сидел в первом ряду среди чертей и своими криками буквально глушил их.

– Почему это спикер, блин, решил назначить этого козла в депутаты, если базар шёл о другой кандидатуре!? – вылез с протестом рогатый, сидевший позади поющей банды грешников. – Эй, – постучал он по шкафовой спине: – Зови пацанов, пусть разберутся.

– Тебя только забыли спросить. Заткнись, – тихо посоветовал крикуну старый чёрт.

– Заглохните все! – грозно выкрикнул спикер в зал, переходя на местный сленг котельных подопечных. – А то, в натуре, кое-кто быстренько поканаает в отстой.

– Я протестую! – снова заорал эколог благим матом, мстя, что ему не позволили прочесть газетную статью.

Черти на всякий случай отодвинулись от крикуна подальше.

– Я требую субсидию на отопление своего котла! У нас кто-то уволок дрова! – обличительно закричал плюгавенький грешник, проспавший половину форума и не врубившийся в тему. Сквозь сон ему померещилось, будто кто-то говорил о дровах. А выборы депутата он проспал. Потому и выкрикнул: – Дрова разворовали, котлы дырявые. Никакого порядка нет!

– Отвечай за базар! – предупредил спикер обличителя. – Ты чем слушал, когда я базарил о топливе?

Чувствовалось, председательствующий полностью освоил лексикон грешников и виртуозно пользовался им, в натуре.

– Короче, заглохните все. Я не догоняю, блин, мы выбрали, депутата или нет? – снова прозвучал вопрос из зала.

– Только обсуждаем предложенные кандидатуры, – пояснил чёртов спикер.

– Тогда о чём базар? Кандидатуры, в натуре, имеются. Короче, кончай париться.

У стола председательствующего, переминаясь с ноги на ногу, топтался олигарх. Ему никак не удавалось пошептаться со спикером. Наконец тот кивнул головой, подавая знак подойти.

Грешник принялся что-то быстро шептать в ухо длинному.

Слушая, тот согласно кивал головой, улыбался, а под конец неприлично громко рассмеялся, и, отпустив шептуна, призвал делегатов к порядку.

– Слушать сюда, – торжественно объявил он всему электорату. – Короче, кандидатура алигарха снимается по его личному заявлению.

– Протестую! Пусть объяснит причину самоотвода! – снова заорал доселе молчавший лысый протестант.

– Причина интимного характера, озвучивать не имеет смысла, особо заинтересованные его самоотводом могут познакомиться с причиной на моём сайте «Чёртов спикер, точка, ру».

– Это как прикажете, в натуре, понимать, какой-то, блин, козёл, бадает по фене в ухо пахану, а мы должны это хавать? Пусть чёртов спикер, в натуре, отвечает за базар с пацаном! – завозмущался ушедший в оппозицию чёрт, доставляя немало хлопот бывшему патрону.

– Вот тебя и назначаем депутатом, – ошарашил председательствующий оппозиционера, и стукнул об пол козовищем, припечатывая своё решение.

– Я что-то не въезжаю: мы выбираем или назначаем депутата? – послышалось из угловой части зала от чёрта, пожелавшего прояснить ситуацию.

– Это кто там квакает, недовольный? Вот тогда тебя и выберем депутатом, – приподнялся амбал со скамейки, высматривая любознательного. Однако чёрт, свернувшись клубком, юркнул под лавку. – Вот и заглохни, – усаживаясь на место, проворчал шкаф.

– Мы предлагаем провести кастинг на...! – закричали хором с задних рядов. Однако черти не дали крикунам пояснить, о каком кастинге идёт речь.

– Предложение отклоняется, – солидно объявил спикер.

– Протестую! Не имеете права затыкать рот ораторствующему местному электорату, – вновь подхватившись с места, кинулся лысый к трибуне, требуя законности. Однако его быстро осадили.

– Не перестанешь протестовать, назначим депутатом, – пригрозил пахан. И он, надо отдать ему должное, по чёртовым законам имел на это право.

Очкастый горлопан икнул и заткнулся.

– Да я что? Да я ничего. Я хотел как лучше... – испугался крикун, ища поддержки у чертей, сидевших рядом с ним. Прекрасно понимая: одно дело горланить протесты, и совсем другое – за что-то отвечать.

– Вот и заткнись, – мудро посоветовал ему старый чёрт.

Встав из-за стола, спикер стукнул копытом об пол, призывая делегатов форума к вниманию.

– Вопросы форума исчерпаны... – начал он, однако лысый не вытерпел и заорал:

– Не согласен! А проблема с топливом в кочегарках? Так и будут котлы холодными, а мы мёрзнуть? А черти в рабочее время играть в карты?

– Какие карты! – завозмущались несогласные рогатые кочегары с обвинением в свой адрес.

– А кто прошлый раз просил нас сходить за дровами? – съюдиничал эколог.

– Это правда?! – строго спросил спикер чертенят.

– Всего один раз, и то недалеко, Больше такого не повторится, – перебирая копытами, винулись ленивые черти.

– Смотрите у меня. Следующий раз не посмотрю, кто есть кто, накажу, – пригрозил спикер, чем не сильно напугал хвостатых кочегаров. – Вопрос топлива будем решать в частном порядке. Форум объявляется закрытым. Для всех, кому не противопоказаны крепкие коктейли, прошу в нижнюю преисподнюю.

Как оказалось, коктейли никому не противопоказаны: ни чертям, ни грешникам. Делегаты, дружно повскакав со скамеек, рванули к лестнице, ведущей вниз.

Весело и шумно гуляли черти с грешниками, раскачивая стены преисподней так, что где-то в Африке случилось землетрясение. Однако это чёртова спикера не касалось. Не его, блин, та вотчина, в натуре.

Случай в военном госпитале

Это произошло в одном из госпиталей Дальневосточного военного округа, в день Защитника Отечества.

За несколько дней до праздничной даты в госпиталь попал 46-летний прапорщик-контрактник с банальным радикулитом.

Здесь же, в полку, вместе с ним служил и его сын, в звании сержанта. В свободное от нарядов время сынок аккуратно навещал родителя.

23 февраля при врачебном обходе у прапорщика на теле обнаружилась сыпь.

– Не хватало нам ещё ветрянки, – с досадой проворчал его лечащий врач – подполковник с прозвищем Айболит. И отдал распоряжение: больного сыпью немедленно изолировать и поместить в карантинный бокс.

Однако буквально за день до происшествия этот самый бокс подвергся «стихийному» бедствию в виде затопления верхним этажом. Там прорвало водяную трубу, и сейчас в нём работали сантехники, по устранению аварии. Потому изолирование отменялось.

Однако приказ есть приказ, и его следовало выполнять. А куда поместить неприкасаемого – и чтобы был изолирован, и чтобы врач не раскричался за нарушение режима? Этого никто не знал.

И всё же, подумав, дежурный врач решил поместить страдальца в каморку, где хранились хозяйственный инвентарь, ватные матрасы, вёдра, швабры, тряпки для мытья полов, короче – это была обычная хозяйственная каптёрка.

Но было у этой самой каптёрки и другое, довольно скорбное назначение. В неё помещали умерших, до отправления несчастных в мертвушку. Об этом знали все в госпитале, и не делали из этого тайны.

Вот туда и отвезли мужика на каталке, без дела стоявшей в коридоре, и на которую постоянно натыкались и пациенты, и сам персонал. Короче, инфицированного разместили в закутке и начисто про него забыли. При этом в палате постель его скрутили в валик и оставили на койке для отправки в дезинфекцию.

Подобную процедуру проделывали и с постелями умерших пациентов.

Прапорщик, по натуре человек спокойный, не конфликтный, не стал возражать против «переезда», а вроде как даже был доволен. Извлёк из кучи сваленных в углу пару матрасов, разложил на каталке, и, уютно улёгшись... уснул.

«В кои-то века отосплюсь», – были его последние счастливые мысли, прежде чем он провалился в глубокий и благодатный сон.

На уборке коридоров и подсобных помещений госпиталя работали гражданские лица, вольнонаёмные из местных женщин. Все называли их нянечками.

Одна из них выпадала из устава лечебного учреждения своим, как бы помягче выразиться, неадекватным пристрастием. Короче, нянечка позволяла себе «употреблять», при этом регулярно.

Однако ей прощали эту «слабость». Нянечка отлично справлялась со своими обязанностями, порядок и чистоту поддерживала на должном уровне, и не было случая, чтобы она отказалась от подмены либо лишнего дежурства.

Как-то завотделением попенял ей, дескать, её пристрастие вредит организму и бросает тень на её репутацию. На что та с ухмылкой ответила: не заморачивайся, сынок, баба Маня твёрдо знает своё дело. И больше он к ней не приставал с нравоучениями.

В тот злополучный, а вернее, в день 23 февраля, нянечка с раннего утра уже хорошо «отметила» праздничное событие, однако не нарушив трудовой повинности по наведению санитарного порядка.

Закончив работу, как обычно, Маня не торопилась уходить домой. Была она бобылкой, потому часто допоздна засиживалась с ходячими пациентами у телевизора в холле госпиталя, переживая со всеми любовные сериальные страсти.

День клонился к вечеру. Все и ходячие и лежащие пациенты уже поздравлены, празднично накормлены, и способные к передвижению потянулись в холл, к телевизору.

Сполоснув в туалете ведро и руки, там же добавив ещё некоторую праздничную дозу, Маня направилась в каптёрку, оставить ведро и разместить на батарее для просушки мохнатую швабру. Она торопилась к телевизору, где начинался праздничный концерт.

Однако едва перешагнув порог, с диким криком выскочила обратно. Там, на каталке, сложив руки на груди, лежал «умерший» прапорщик из 6-й палаты. О его помещении в закуток нянечка не знала. В то время она мыла нижнюю лестницу.

До этого за всю её службу не было случая, чтобы живого укладывали в кладовке, да ещё на каталку. Потому и ошалела.

– Умер!!! Умер!!! – кричала Маня, опрометью бросаясь к столу дежурной медсестры по этажу.

Пациенты знали, что в кладовку поместили прапорщика с сыпью. Значит, всё же помер, решили они.

В это время по коридору госпиталя шёл сын прапорщика, навестить отца и одновременно поздравить того с праздником. Навстречу ему, едва не сбив с ног, неслись дежурная сестра, нянечка, обнаружившая «покойника», кто-то из обслуги, и раненые, способные передвигаться.

«Делегация» мчалась на первый этаж в ординаторскую, к дежурному врачу, как выяснилось потом, тому не доложили об изоляции больного.

В это время сын прапорщика зашёл в отцовскую палату, и видит – кровать пуста, а матрас свернут.

– А где папка? – спросило дитё, обратившись к больным.

Все дружно опустили глаза. И тогда сын понял: его папаня, незабвенный родитель, приказал долго жить.

– Ты солдат, и должен стойко принять удар, – со скорбью в голосе произнёс один из раненых.

Сын опрометью бросился на пост к дежурной медсестре. Однако той на месте не оказалось.

Ходячие пациенты стояли в коридоре и сочувственно смотрели на сержанта, глубоко сопереживая солдату. Кто-то из них сказал:

– Это сын умершего.

Не обнаружив сестры на обычном месте, сынок кинулся вниз по ступенькам в поисках дежурного врача, для выяснения причины смерти своего папки. Молодой здоровый мужик, никогда и ничем не болевший, кроме радикулита, и вдруг помер.

В это время прапорщик, проспавший едва ли не десяток часов, хватился курева, и, не обнаружив его у себя, крадучись, опасаясь сестры за нарушение режима, пробрался в свою палату.

Тихо вошёл и напрямиком направился к своей тумбочке, и принялся там шариться рукой. Соседи по палате, зная, что человек помер, выкурили всю его пачку, вроде бы как за помин души.

Не обнаружив сигарет, прапорщик попросил:

– Ребята, дайте закурить, сил нету, умираю.

«Ребята» в ступоре молча сидели на койках, вылупившись на «покойника».

А по коридору во весь опор бежала представительная делегация. Впереди – дежурный врач, за ним – медсестра, далее нянечка, обнаружившая «умершего», за ней сын «покойника», и несколько легко травмированных бойцов.

Вся эта орава мчалась в палату, где до изоляции находился радикулитчик.

В палате бойцы по-прежнему сидели по койкам, словно застывшие степные тушканчики, обмирая от ужаса.

Резко распахнулась дверь, и в палату залетела целая толпа сочувствующих и сопереживающих, испуганных людей во главе с дежурным врачом, и застали картину с ожившим «покойником».

После этого смеху было на весь госпиталь. Смеялись даже те, кто не мог самостоятельно ходить. А причина была очень даже банальная. В честь праздника сердобольная раздатчица подсунула прапорщику четыре круто сваренных яйца, на которые, как оказалось потом, у того была аллергия.

Дополнительное лицо

*«Мало кому известно, что Иван-царевич тайне от Царевны-лягушки похаживает по другим жабам»
(По доносу ябеды)*

– Значит, так. Внесёшь в сценарий ещё одно дополнительное лицо, – не поздоровавшись, строгим голосом произнёс Спонсор намечающихся съёмок нового фильма.

– Куда вносить, если у меня уже финальная сцена? – возмутилась я беспределом благодетеля.

– Я что, непонятным языком говорю? Внесёшь, и чтобы мне никаких гвоздей, – продолжал он свирепствовать.

– Мне надо посоветоваться с режиссёром, – отбивалась я, зная какую трудность представляет «всувание» нового лица в почти готовый киносценарий.

– Чего?! С каким это ты режиссёром собираешься советоваться? Уж не с Козьявкиным ли? – это он так о режиссёре Жукове. – Тебе кто платит деньги, я или тот Букашкин?

Спонсор позволял себе всё: грубость, унижение и нелепые приказы. Ведь это он давал деньги на создание фильмов. И, надо сказать, немалые.

– А что за лицо? – поинтересовалась я. – Какого оно полу? – хотя догадывалась о ком пойдёт речь. – И в каком ракурсе подавать это лицо, в положительном, али напротив, в злодейском? – начала я прикалываться.

Спонсора я не боялась. Он был другом моего мужа, и в некотором роде заискивал перед ним, хотя работали они совершенно на разных уровнях.

– Слушай, Зосья, – присаживаясь к столу и называя меня семейным именем, которым именует меня муж, сказал Спонсор. – Ну втисни ты её куда-нибудь, – привычно подлизывался он ко мне, когда ему не удавалось обычным способом сломать упрямство очередной пассии.

– Так какой её представлять? Доброй и порядочной, или злой и дурой? – продолжала я развлекаться над «озабоченным».

– Выгнал бы заразу, да жалко – больно оказалась башковитой, – доверительно поделился он кручиной. – Зосья, ну будь человеком, – наклонившись и заглядывая мне в глаза, интимно промурлыкал он. – Ну, ты там сделай так, чтобы моя Тамарка не догадалась о моём влиянии. А то помнишь, что произошло с Черыгиной?

Я, конечно, помнила, когда «втиснутая» им Черыгина, Спонсорская очередная секретарша, была бита его Тамаркой после просмотра фильма в монтажной. Пришлось кадры с участием Черыгиной вырезать, а её саму спонсору увольнять. Правда, без сожаления.

– Как не помнить. Мне самой досталось от Тамарки. Хотя я совершенно ни при чём. Я объяснила ей, что не в моей компетенции подбирать исполнителей. А вот Жукова она тогда здорово отхлестала по мордасам.

– Да я после компенсировал ему его увечья хорошим презентом, – легкомысленно хохотнул он. – Ну, так как, Зосья? А? Лично от меня тебе большой пузырь твоих любимых «Коко Шанель».

– Так под видом какого типажа ввести её в сценарий? – настырничала я.

– Ну, ты же умная тётка. Придумай сама. Чтобы ни вашим, ни нашим, – воодушевился он, видя мои колебания.

В монтажную наш щедрый и такой непредсказуемый Спонсор принёсся раньше операторов, и, усевшись поближе к монитору, приготовился к просмотру сцены с его неподдающимся объектом.

Пошли кадры. Время шло. Спонсор заволновался, заёрзал на стуле. Его что-то не устраивало. Оглянувшись на меня, сидевшую у стены за его спиной, он махнул мне рукой, приглашая сесть рядом с ним.

– Ну, и где тут она? – с вызовом на ухо прошептал он мне.

– Подожди, – отбоярилась я.

Неожиданно распахнулась дверь, и в ней нарисовалась Тамарка. Не спрашивая разрешения у Жукова, она прошествовала в нашу сторону и уселась рядом с мужем.

– Ты всё не унимаешься, козлина?! – зло прошипела она ему в лицо. – Снова вклинил свою шлюху в съёмки, и теперь сидишь – любишься на неё? А ты чего идёшь у него на поводу? – это она накинулась на меня, перегнувшись за его спиной.

– Да никого я не вклинивал! – отбивался известный потаскун от справедливых нападок жены.

Прокрученные титры не продемонстрировали Тамаре ту, из-за которой разгорался очередной семейный сыр-бор нашего благодетеля. Пригрозив супругу домашними разборками, Тамара удалилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.